ВНЕ ЗАКОНА
Чингиз Абдуллаев
Кто стреляет вторым – умирает первым.
СИМФОНИЯ ТЬМЫ

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Симфония тьмы

«PEN-клуб»
1996

Абдуллаев Ч. А.

Симфония тьмы / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 1996 — (Дронго)

Наемный убийца Ястреб, бежавший из тюрьмы, недолго остается без работы – ему поручают убрать известного композитора Джорджа Осинского, гастролирующего по Европе. Осинским пристально интересуются израильская и американская разведки. Известный криминалист-аналитик Дронго пытается предотвратить покушение на композитора. Пути Ястреба и Дронго пересекаются.

© Абдуллаев Ч. А., 1996
© PEN-клуб, 1996

Содержание

Интерлюдия 5
Глава 1 9
Глава 2 13
Глава 3 17
Глава 4 24
Глава 5 29
Глава 6 32
Глава 7 35
Глава 8 40
Глава 9 43
Глава 10 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Чингиз Абдуллаев
Симфония тьмы

Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить.
Евангелие от Матфея, Глава 7, 1-2

Почти все факты, приведенные в книге, основаны на безумных предположениях автора, который излагает свою версию возможного и не принимает никаких судебных исков по поводу событий, описываемых в романе. Каждый волен сам определить свое отношение к этой книге.

Интерлюдия

Его уговаривали уже второй час подряд. Говоривший с ним представитель Службы внешней разведки явно нервничал, понимая, насколько сложным будет его задание. И поэтому выглядел в этом споре неубедительно.

– Ну почему именно я должен ехать, – нервничал Дронго, – это же настоящий идиотизм. Я вообще не работаю на вашу службу. А уж тем более я не обязан работать на еврейское государство. У них и без меня вполне хватает агентов по всему миру.

– Но вы же понимаете – исключительные обстоятельства… – с несчастным лицом говорил генерал, – так получилось…

– Если у вас так получилось, почему я должен из-за этого страдать? – злился Дронго. – Да поймите вы наконец – у них самая мощная служба разведки в мире. Это все глупости. Они придумали какую-то дурацкую игру и хотят втянуть вас.

– Мы проводили с ними интенсивные переговоры, – возразил генерал, – они сами вышли на связь и предложили это сотрудничество.

– В жизни не поверю. По эффективности своих действий израильская разведка МОССАД всегда была на первом месте. Уже потом за ней шли ЦРУ, КГБ, Сикрет Интеллидженс сервис, БНД и тому подобная мелочь. Не верю.

– Но это их просьба, – разозлился наконец генерал, – неужели вы не понимаете, как нам важно налаживать контакты с МОССАДом?

– Понимаю. Поэтому вы и хотите меня подставить?

– Нет. Я же вам объясняю. Их руководитель встретился с нашим министром иностранных дел в Израиле, когда Примаков был там с визитом. Они обсудили эту проблему и решили, что подключение нашего сотрудника было бы наиболее целесообразно.

– Ваш министр иностранных дел сделает из МИДа одну большую разведшколу. Ему мало, что он взял заместителем своего бывшего зама из Службы внешней разведки контр-адмирала Зубакова, так он хочет по-прежнему курировать и всю разведку?

– Это не наше дело. Так вы согласны? – Генерал нахмурился.

– С кем именно он говорил?

– С директором МОССАДа.

– Это я понимаю. А имя есть у этого директора израильской разведки?

Генерал замялся. Почему-то посмотрел по сторонам.

– Вообще-то это один из самых больших секретов Израиля. В Израиле есть по этому поводу даже специальный закон, запрещающий упоминание имени директора МОССАДа.

– Может, мне куда-нибудь сбегать, пока вы будете решать, говорить мне его имя или не говорить?

– Какая вам разница? – не понял генерал. – Придумайте любое имя.

– А я не хочу придумывать. Мне важна степень вашей откровенности. И, конечно, откровенности МОССАДа. Мне не нравится, когда с заданием, пусть даже очень сложным, не справляется лучшая разведка мира.

– Почему вы все время говорите, что они лучшие? Можно подумать, кто-то считал наши рейтинги. – Генерал был недоволен. – В разведке вообще не подходят эти критерии, как в спорте – чемпион, вице-чемпион, экс-чемпион, пятое место, десятое. Все достаточно условно.

– Считали, – отмахнулся Дронго, – вы не читаете зарубежной прессы. На первом месте в мире по эффективности всегда был МОССАД. Кстати, КГБ был раньше на третьем месте, сразу после ЦРУ. Думаю, ваша СВР уже где-то пятая или шестая.

– Вы будете работать или нет? – вконец разозлился генерал.

– Так с кем разговаривал Примаков?

– С директором МОССАДа… – генерал наконец назвал имя.

– Между прочим, вы только что нарушили израильский закон, – улыбнулся Дронго. – Кто еще присутствовал на встрече?

– Я не знаю. Что у вас за вопросы?

– Мне важно знать все. Я хочу быть уверен, что туда, куда вы меня посылаете, я могу ехать относительно спокойно. И меня там не ждут. Вы представляете степень сложности этого задания, если с ним не может справиться даже МОССАД?

– Вы с ума сошли, Дронго?! – нервно спросил генерал. – На встрече были только два человека с израильской стороны и Примаков с нашей.

– Кто был второй? Примаков, наверно, еще не выучил иврит? Или он его знает?

– Вы не считаете, что переходите всякие границы приличия? Второй был бывший директор ШАБАКа [ШАБАК – служба внутренней контрразведки Израиля. В отличие от МОССАДа – службы внешней разведки, занимается обеспечением безопасности в самой стране. Имена руководителей спецслужб считаются государственной тайной.]. Надеюсь, вы не думаете, что он может вас выдать?

– Не думаю, но мне нужно все знать. Если они действительно встречались с Примаковым во время его визита в Израиль, значит, эта командировка не просто опасная, но и очень неприятная. Значит, меня обязательно будут ждать на месте.

– Кроме этих троих, о задании знаем только мы с вами. И наш директор Службы внешней разведки. На этот раз ваша интуиция вас подвела, Дронго. Надеюсь, все пятеро вне подозрений?

– Шестеро, – невозмутимо заметил Дронго, – с Примаковым наверняка был переводчик. Или израильтяне привели своего переводчика?

Генерал усмехнулся.

– У вас действительно неплохие аналитические способности. Я, признаться, не верил в легенды, которые о вас рассказывают.

– Там был переводчик?

– Там не было переводчика, – чеканя каждое слово, ответил генерал, – среди собеседников Примакова был человек, хорошо знающий русский язык.

– Вы хотите сказать, что директор МОССАДа говорит по-русски? Или директор ШАБАКа? Вам не кажется, что в таком случае министр иностранных дел говорил не с теми людьми?

– Он говорил с теми. Один – бывший эмигрант из Советского Союза. Но он вне всяких подозрений в Израиле, по этому поводу можете не беспокоиться. И не нужно демонстрировать свое остроумие.

– Какое, к черту, остроумие. Насчет подозрений пусть израильтяне сами разбираются. А я в таком случае просто откажусь. Только этого мне не хватало, – впервые за время разговора

несколько растерялся Дронго, – как это, бывший эмигрант? И руководители спецслужб Израиля ему поверили? Ничего подобного я не могу себе даже представить. Один из генералов – бывший эмигрант? Вы понимаете, что говорите? В таком случае вас просто обманули.

Генерал покачал головой.

– Какой вы, однако, дотошный. Это был бывший директор ШАБАКа генерал-майор Йоси Гиноссар [Йоси Гиноссар – подлинная фамилия бывшего директора ШАБАК. Его родители, проживавшие в Вильнюсе, эмигрировали в Израиль еще в шестьдесят седьмом, когда официально такого права на выезд в СССР не существовало. *(Прим. автора.)*].

Ему было всего двенадцать лет, когда родители увезли его в Израиль в шестьдесят седьмом году. Он учился в обычной вильнюсской школе. Был пионером, как все. А потом в Израиле стал руководителем ШАБАКа.

– Это он вам так сказал? Тогда не давали разрешения на выезд, – возразил Дронго.

– Вы и это знаете, – уже ничему не удивлялся генерал. – Они выехали как поляки. Его мать родилась в Польше, когда Вильно был в составе польского государства. Потом Вильнюс перешел в состав Литвы по соглашению между Гитлером и Сталиным, когда Польша была разделена. После войны Вильнюс так и остался в составе Литвы. А бывшим польским гражданам разрешалось выезжать из СССР в Израиль.

– Кроме него, больше никого не было?

– Не было. С нашей стороны был только Евгений Максимович. С их стороны – директор МОССАДа. И этот своеобразный переводчик.

– С этим все ясно. И хотя мне по-прежнему не нравится сама форма обращения израильтян к нашему министру, я, кажется, попытаюсь взяться за это дело.

– Когда вернетесь, сами скажите об этом в Тель-Авиве.

– С чего это вдруг вы стали с ними так дружить? – нахмурился Дронго. – Кажется, вы всегда рассматривали МОССАД как потенциального врага. Почему вдруг такое согласие?

– Это вопрос не ко мне. Я выполняю приказ, – строго заметил генерал.

Его просто раздражали подобные вопросы этого непонятного агента. Хама и интеллектуала, невоспитанного «волонтера» и прекрасного аналитика в одном лице. Он уже был наслышан о чудачествах этого человека и только поэтому так терпеливо и долго отвечал на его вопросы, с трудом заставив себя сдерживаться.

– И что я должен сделать? – спросил наконец собеседник.

– Это вам расскажут при встрече, – уточнил генерал, – мы только знаем, что они сами вышли на связь с нами. И сами предложили это сотрудничество. Я думаю, у вас появилась прекрасная возможность доказать, что нас поставили ниже их лишь по недоразумению.

– Вас, генерал, вас, – дерзко заметил Дронго, – не забывайте: после распада СССР я гражданин другого государства. И вполне могу отказаться от вашего лестного предложения.

Генерал стиснул зубы, но промолчал. И лишь потом, чуть успокоившись, спросил:

– Вы согласны?

– Придется согласиться, – притворно вздохнул его собеседник и вдруг улыбнулся: – Хотя мне все равно не нравится это непонятное задание. И ваша непонятная дружба мне тоже не очень нравится. Такого еще никогда не было. Чтобы МОССАД кого-то и о чем-то попросил. Именно поэтому я согласен. Возможно, я об этом еще и пожалею.

– Я доложу, что вы в принципе согласны, – вздохнул генерал, заканчивая беседу. И, уже не удержавшись, поинтересовался: – Для чего нужны были все эти вопросы? Вы ведь с самого начала решили для себя, будете работать или нет. А эти расспросы никому не нужны. Или вы таким образом самоутверждались? Многие люди, даже наши сотрудники, если еще и знают о МОССАДе, то о ШАБАКе вообще никогда не слышали. А вы делаете вид, что все знаете. Это неправильно, Дронго, – назидательно сказал генерал.

– Конечно, – согласился его собеседник, – я думал, третьим генералом с израильской стороны был еще и руководитель АМАНа – военной разведки Израиля. Вы знаете такую организацию?

Генерал открыл рот, чтобы произнести какие-нибудь слова, но их у него просто не было.

– Когда-нибудь вам отрежут ваш длинный язык, – только и нашел что сказать генерал СВР, никогда не слышавший про АМАН. Он вдруг подумал, что этот агент знает слишком много. «Кажется, такие умирают молодыми», – пришла в голову коварная мысль. Он впервые за все время разговора чуть усмехнулся.

Глава 1

В мире мало подобных опасных мест, где боятся появляться даже вооруженные люди. Это не джунгли Африки и не горы Кордильеры, это не пустыня Сахара и не тропические леса Амазонки. Это жилые кварталы Гарлема, район Северного Бронкса, в некоторых местах которого лучше не появляться никогда. Здесь даже не закон джунглей, где сильнейший убивает слабейшего. Здесь царит особый закон: все против всех, и весь мир против тебя одного. И выжить в этом аду можно, только полагаясь на волю случая и свое оружие.

Он въехал сюда на своем «Фиате» десять минут назад. Поиски нужного ему человека могли затянуться, если точно не знать, куда именно нужно было ехать. Сидевший за рулем это сознавал. И поэтому, проехав до конца улицы, остановился у небольшого магазина, торгующего, как и многие вокруг, всякой всячиной. Вместо стекол здесь были поставлены плексиглас и толстые решетки, сквозь которые не могла бы пролезть рука отчаявшегося подростка или наркомана. Двери были снабжены специальным устройством, позволяющим быстро опускать стальную решетку в случае возникновения малейшей опасности.

«Фиат», доехав до магазина, остановился. Не вылезая из машины, сидевший за рулем просигналил три раза. На пустынных улицах Гарлема, где стояли остовы сожженных и развороченных машин, подобный сигнал мог дать только очень смелый человек. Из магазина медленно вышел пожилой афроамериканец. Он был среднего роста, в надетой на теплую шерстяную рубашку кожаной безрукавке. Сделав несколько шагов к автомобилю, но, не подходя слишком близко, остановился и спросил:

– Что нужно?

– Мне нужен Пол, – улыбнулся человек из автомобиля, снимая очки.

Владелец магазина покачал головой.

– Его здесь нет.

– Мне он нужен, – снова повторил приехавший.

Торговец внимательно посмотрел на него.

– Ты откуда? Я тебя не знаю. Откуда ты взялся?

– Я его друг.

– Я не знаю таких друзей Пола, – спокойно сказал лавочник и повернулся, чтобы идти обратно.

– Подожди! – крикнул приехавший. – Я должен передать тебе вот это.

И он показал стодолларовую бумажку. Но его собеседник равнодушно скользнул по ней взглядом и снова повернулся к магазину. Он был уже в двух шагах от двери, когда раздался выстрел. Вздрогнув, он повернулся к машине.

– Этот аргумент лучше?

– Пола здесь нет. Он в баре «Матадор», на соседней улице, – равнодушно ответил человек.

– Хорошо, – снова улыбнулся подъехавший. Он знал, что здесь нельзя выходить из машины. Иначе, вернувшись через минуту, можно не найти ее на месте. И никогда не выбраться отсюда, тем более если ты не темнокожий. Поэтому он снова подозвал владельца магазина, поманив его своим пистолетом.

Тот нехотя вернулся. Но опять не подошел к машине близко и тем более не стал обходить ее, чтобы оказаться рядом с водителем.

– Чего тебе? – спросил он. – Я уже сказал, где находится Пол. Давай туда, если, конечно, ты сможешь там появиться.

– Возьми деньги, – водитель снова протянул стодолларовую купюру, – они твои.

Владелец магазина улыбнулся и, сделав еще несколько шагов, наклонился к машине от водителя с другой стороны, чтобы взять деньги. Хозяин машины протянул купюру правой рукой.

– Пол действительно там?

– Спроси Боба Райта, – улыбался темнокожий.

– Спасибо. – Левой рукой сидевший в машине поднял оружие и выстрелил в лицо наклонившегося. – Ты слишком долго отвечал, беби. Бай-бай.

Темнокожий дернулся и отлетел, падая на тротуар.

Его собеседник, даже не посмотрев в сторону убитого, пожал плечами и медленно отъехал от магазина. Заворачивая за угол, он еще услышал крики выбежавшей из магазина женщины. Он достал из кармана жевательную резинку, развернул, положил ее в рот и выехал на соседнюю улицу.

В самом конце улицы находился тот самый бар, о котором говорил владелец магазина. Недалеко от него сидели темнокожие, гревшиеся у импровизированного костра. Увидев подъезжающую машину, они закричали, засвистели, повскакав с места. Объехать их не было никакой возможности. Но сидевшему в машине нужно было обязательно подъехать к бару и найти там Пола. Он остановился метрах в пятидесяти от костра.

Просто остановился, не выключая мотора, и смотрел. Кричавшие, поняв, что он не решается подъезжать, осмелели и стали шуметь еще громче. Но ни один не стал приближаться к машине. Однако люди перегородили дорогу и не давали проехать.

Мужчина ждал несколько минут. Потом поднял лежавший на сиденье рядом с ним пистолет. Очевидно, он принял решение. Выплюнул жевательную резинку в окно и дал резкий газ. Пистолет он переложил в левую руку. И на полной скорости понесся к стоявшим на проезжей части людям.

Поняв, что он не собирается останавливаться, те в страхе заметались. Он выстрелил два раза в толпу и прорвался сквозь жидкую цепочку, сбив кого-то по дороге. Проехал несколько десятков метров и резко затормозил у бара. Здесь сидели на корточках двое. Один был пуэрториканец.

– Амиго, – сказал сидевший за рулем, – мне нужен Боб Райт. – Если доставишь его сюда за минуту, получишь вот эту бумажку, – показал он стодолларовую купюру вскочившему пуэрториканцу. Тот, кивнув головой, стремительно бросился в бар.

Сидевший рядом с ним огромный темнокожий медленно поднялся на ноги, словно раздумывая, как удобнее отнять деньги у этого придурка, так неосмотрительно показавшего купюру. Он незаметно пододвинул к себе железный прут, который едва звякнул.

– Не советую, – спокойно сказал водитель «Фиата», показывая дуло пистолета, – отбрось от себя эту железку ногой. И как можно быстрее.

Темнокожий все понял. Здесь все были либо жертвы, либо охотники. И он нарвался на настоящего охотника. Он оттолкнул от себя железный прут, который покатился по развороченному тротуару.

На другом конце улицы, где осталась толпа, сквозь которую прорвался «Фиат», началось заметное оживление. Люди снова подняли крик, показывая друг другу на автомобиль. Из бара наконец вышли пуэрториканец и высокий человек с неопределенным лицом. Он вразвалку подошел к машине.

– Что тебе нужно? Я – Боб Райт.

– Деньги, – протянул руку пуэрториканец. Сидевший в машине, согласно кивнув, отдал ему стодолларовую купюру. И открыл дверь.

– Садись, – показал он Райту на сиденье рядом с собой.

– Не знал, что так дорого стою, – пошутил Райт, усевшись в машину, – ты всегда так разбрасываешься стодолларовыми купюрами?

– Мне нужен Пол, – сказал хозяин «Фиата».

– Да? – удивился Боб Райт, показывая крупные гнилые зубы. – А что я получу за это?

– Пять таких бумажек, – показал на пуэрториканца водитель. Пуэрториканец уже начал драться с темнокожим, пытаясь вырваться и убежать от него со своей стодолларовой купюрой.

– Он в баре, – показал Райт, – войди и позови его.

– Да, – усмехнулся сидевший за рулем, – что еще посоветуешь?

Райт расхохотался. Потом хлопнул по плечу водителя.

– Ты мне нравишься, парень! Сейчас я его приведу.

И вылез из автомобиля, хлопнув дверцей. Пуэрториканец вырвался из рук державшего его темнокожего и бросился бежать. Его бывший компаньон помчался за ним. Заметив движение у машины, оживились люди у костра. Вооружившись цепями и палками, они начали двигаться к автомобилю. Решив, что его владелец все-таки рискнул войти в бар, оставив машину на улице, они победно заулюлюкали и бросились к «Фиату».

Водитель перезарядил пистолет и спокойно смотрел на здание бара, из которого должен был появиться Боб Райт с человеком, которого он искал так долго.

Когда до автомобиля оставалось метров сто и разъяренные люди уже победно потрясали кулаками, он включил мотор. Когда осталось восемьдесят метров, достал с заднего сиденья автомат и, спрятав пистолет в кобуру, проверил магазин автомата и положил его на колени. Когда до автомобиля оставалось пятьдесят метров, дверь бара наконец открылась и из нее вышел Боб Райт. За ним шел высокий, широкоплечий темнокожий с абсолютно голым черепом. Он был одет в кожаную куртку с короткими рукавами и кожаные брюки, плотно обтягивающие тело, отчего тяжелая, но быстрая походка делала его похожим на мощную пантеру. Он осторожно подошел к машине, держа руку на поясе, где висело оружие, которое он не особенно скрывал.

Между нападавшими и автомобилем оставалось тридцать метров, когда Райт наклонился к машине.

– Деньги, – напомнил он, – Пол уже здесь.

Сидевший в автомобиле протянул ему пять бумажек. Стоявший за спиной Райта Пол прищурился и тоже наклонился к автомобилю.

– Я думал, тебя давно нет в живых, – сказал он, убирая руку от пояса с оружием.

– Садись, – спокойно ответили ему из машины.

– Ты заплатил пятьсот долларов, – усмехнулся Пол, отодвигая Боба Райта и усаживаясь. Он, как и водитель, видел, что между нападавшими и машиной оставалось не больше десяти метров. И некоторые камни уже долетали до нее. Боб, получив деньги, быстро кивнул и бросился к бару, захлопнув за собой дверь.

Едва Пол сел, автомобиль резко тронулся с места, но не вперед, как ожидали нападавшие, а назад. Решив, что сидящие в нем спасаются бегством, толпа бросилась вдогонку.

– У тебя нет там знакомых? – спросил, усмехнувшись, сидевший за рулем.

Пол покачал головой.

– Ты не изменился, – сказал он, – я боялся верить своим глазам. Думал, уже больше никогда тебя не увижу.

– Я сам так думал, – ответил хозяин и вдруг стал разворачиваться. Машина, сделав круг, поехала назад, прямо на нападающих, на полной скорости. И через несколько секунд ворвалась в толпу. Передний бампер у «Фиата» дополнительно укреплен, словно специально предназначен для такого рода столкновений.

Машина сильным ударом отбросила первого из оказавшихся рядом. Задела второго. Третий нападавший вскрикнул и упал, цепляясь за бампер. Цепь, которой он до того размахивал, запутала колесо, как-то заклинив его, и автомобиль вынужден был остановиться.

– Черт побери, – сказал человек за рулем, – кажется, у нас проблемы.

Пол выскочил из автомобиля, увернулся от одного из нападавших, сшиб ударом ноги второго, отодвинул неподвижное тело, сорвал с колеса цепь. И быстро вернулся на место. Нападавшие успели только разбить два задних стекла, когда «Фиат», дав резкий газ, умчался вперед.

– Ты тоже не изменился, – усмехнулся водитель, – совсем неплохо.

– Ты что, специально остановился? – недоверчиво посмотрел на него Пол.

Водитель посмотрел на своего пассажира. Но ничего не ответил. Только переложил лежавший у него на коленях автомат.

– И давно ты так разбрасываешься сотенными? – спросил Пол.

Вместо ответа водитель протянул ему еще несколько бумажек.

– За что? – деловито спросил Пол.

– Они фальшивые, – получил он спокойный ответ, – отпечатаны на цветном ксероксе.

Пол расхохотался. Помял бумажки, посмотрел их на свет. И повернулся к собеседнику.

– Зачем я тебе понадобился, Ястреб? И вообще, как ты здесь оказался? Мы ведь столько лет о тебе ничего не слышали.

Глава 2

Они должны были встретиться у этого здания, и Дронго вот уже пятнадцать минут стоял в доме напротив, стараясь угадать подошедшего раньше условленного времени представителя МОССАДа. Но все было напрасно. Никого не было, и он уже, повернувшись от окна, решил уходить, когда за спиной раздался приятный мягкий голос:

– Добрый вечер, Дронго.

Он не стал резко оборачиваться. Только усмехнулся и медленно повернул голову. Выше него на лестничной площадке стоял человек лет пятидесяти. В шляпе, темном плаще, с аккуратно подстриженной бородкой. Он спокойно, изучающе смотрел на профессионала.

– Здравствуйте! – ответил Дронго. – И давно вы так стоите?

– Я видел, как вы сюда поднимались, – честно признался представитель МОССАДа.

– Красиво, – вынужден был согласиться Дронго, – кажется, вы даже рассчитали вероятность моих предполагаемых действий.

– Разумеется, – чуть улыбнулся незнакомец, – а вы как думали? Мы ведь знаем специфику ваших действий. И можем просчитывать некоторые очевидные ходы. Ясно, что вы не сразу пойдете к тому дому, где я вас должен был ждать, а придете сюда, чтобы проконтролировать возможность изменения ситуации и увидеть меня раньше, чем я там появлюсь. Просто это место идеально для наблюдения.

– Учту, – угрюмо ответил Дронго, – считайте, вы меня переиграли. Нужно будет менять свой стиль, раз он так легко просчитывается другими. Спасибо.

– Мы знали, с кем имеем дело, – возразил незнакомец, – я не хотел вас обидеть. Наоборот, мы просили, чтобы к этому делу подключили именно вас. И только вас. Как видите, мы ценим вас гораздо больше, чем вы предполагаете.

– Об этом я уже догадался, – кивнул Дронго, – по тому, с какой настойчивостью меня уговаривали согласиться, я понял, что это был сугубо индивидуальный заказ. Может, нам все-таки куда-нибудь пойти? На этой площадке нельзя вести серьезные разговоры. Здесь вы стоите выше меня и все время напоминаете о моем промахе.

– Я могу переместиться вниз, – засмеялся незнакомец, спускаясь к Дронго. Он поднял шляпу, церемонно представился:

– Александр Петрович Соловьев.

– Это тоже в целях конспирации? – усмехнулся Дронго.

– Простите, не понял, – признался Александр Петрович.

– Я думал, от МОССАДа придет Абрам Моисеевич или Исаак Аронович. Во всяком случае, было бы более традиционно.

– Вы пытаетесь отыграть свое очко, – нахмурился Соловьев.

– Ну что вы. Просто, согласитесь, немного странно, когда на встречу от МОССАДа к вам приходит незнакомец с именем и внешностью типичного русского интеллигента начала века. Вам никто не говорил, что вы похожи на Чехова?

– Говорили, спасибо. Я всегда считал это комплиментом. А вам никто не говорил, что вы похожи на актера Шона Коннери?

– Который играл Джеймса Бонда? Мне казалось, я несколько неловок и тяжел для него. У него все получалось всегда гораздо лучше. Особенно в отношениях с женщинами.

Оба рассмеялись. Они спустились вниз и вышли из подъезда.

– У меня недалеко стоит машина, – предложил Александр Петрович, – может, поедем на ней?

– Конечно, – согласился Дронго. – Я думаю, она, случайно, разумеется, оборудована скэллерами и скремблерами.

– Ну что вы, – серьезно ответил Соловьев, – это уже вчерашний день. Мне казалось, что в КГБ уже тоже применяются совсем другие средства.

– КГБ уже давно нет, – напомнил Дронго.

– Да, – улыбнулся Соловьев, – только на словах. Все функции сохранены, а некоторые даже усилены. Думаю, совсем скоро снова поменяют вывеску и вместо непривычного ФСБ опять будет КГБ.

– Это меня не касается, – хмуро ответил Дронго, – я вольнонаемный волонтер.

– Конечно, – сразу согласился Соловьев, – именно поэтому вы нам и нужны.

Они завернули за угол дома и подошли к изящному темно-синему «Фольксвагену». Внешне ничего необычного в автомобиле не было. Дронго внимательно осмотрел машину, но ничего не заметил. Соловьев открыл двери ручным пультом, появившимся в его руке, и пригласил собеседника в кабину.

Уже когда они сели в машину и Соловьев снова закрыл двери, он нажал на какую-то кнопку, и стекла сразу стали темнее обычного. После чего Александр Петрович протянул Дронго специальную маску с наушниками.

– Наденьте ее, – попросил он, надевая такую же. И включил мотор, плавно трогая с места.

– Что это за маски? – спросил Дронго.

– Специальный маскировочный комплекс, – ответил Соловьев, в наушниках его голос звучал несколько необычно. – Мы соединены с этим аппаратом, – показал он на прибор, внешне напоминавший радиоприемник, – это акустический приемник обработки и подачи нашей речи. Только друг другу. Все остальные шумы, выдаваемые в эфир, будут заглушаться.

– Интересно, – согласился Дронго, – довольно необычное устройство. С помощью этого прибора вы хотите гарантировать безопасность нашего разговора?

– Не только. Сзади и спереди на автомобиле установлены специальные частотные корреляторы. Они проверяют и блокировку оконных стекол, так как лазерным лучом можно снять многое из того, что здесь говорится. Для полного погашения вибрации и исключения возможности подслушивания, даже если в машине установлен специальный «жучок», на заднем сиденье размещена аппаратура генераторов шума, издающая ультразвуковые колебания. Есть и еще несколько специальных технических приспособлений.

– Впечатляет, – кивнул Дронго. – И столько маскировки для нашего разговора? Александр Петрович, вы серьезно хотите меня убедить, что такая мощная организация, как МОССАД, может с чем-то не справиться? Например, с группой террористов. И я должен этому поверить?

– Если бы только террористы, – вздохнул Соловьев, – с этим мы как-нибудь справились бы и без вашей помощи. Здесь все гораздо сложнее. И гораздо интереснее. Вы слышали о взрывах в Израиле?

– Конечно. Группа «Хамас». Они не особенно скрывали, кто именно стоит за этими взрывами. А вы не особенно церемонились, объявив им тотальную войну. Кажется, так?

– Да. Но эти взрывы тут ни при чем. Вы знаете, почему наша специальная служба безопасности ШАБАК не смогла предотвратить покушение на жизнь премьера Израиля? Не потому, что там действовали дилетанты или они не знали о возможности покушения на Рабина. Все гораздо сложнее. Мы все были убеждены, что еврей не может убить соплеменника, что израильтянин никогда не выстрелит в своего премьера. К сожалению, мы ошибались. Мы ждали серьезных ударов совсем с другой стороны. И это уже не первый подобный случай. Вы меня понимаете?

– Пока не совсем, – честно признался Дронго, – все-таки зачем я вам понадобился? И почему именно я? Меня, признаться, заинтриговало ваше начало. Кстати, в мировой истории уже был похожий случай, когда из-за убитого соплеменника начался страшный террор.

– О чем вы?

– Вспомните восемнадцатый год. За своего расстрелянного друга Перельцвейга Леонид Каннегисер застрелил председателя Петроградской ЧК Моисея Урицкого. Уже после было покушение на Ленина. Чем все это закончилось, вы помните?

– У вас поразительная память, – удивился Соловьев, – признаться, про Перельцвейга я не знал.

– Вы не ответили на мой первый вопрос – зачем я вам нужен?

– После взрывов стало понятно, что с палестинцами будут разбираться наши специальные службы. Там все ясно. Открытая война, в которой гибнут обе стороны. То, что я сейчас скажу, удивит вас чрезвычайно, возможно, даже покажется невероятным, но это, к сожалению, правда. В Израиле возникла и действует подпольная организация «Луч Исава». Может, вы знаете библейскую легенду об Исааке, сыне Авраама, и его жене Ревекке?

– Такие тонкости я не знаю, хотя слышал, конечно, об Аврааме. Так что натворил этот Исаак? – улыбнулся Дронго.

– Не ерничайте, этому есть описание в Ветхом Завете. Ревекка родила двух близнецов – старшего Исава и младшего Иакова, который родился вторым и, выходя из утробы матери, якобы держался за пятку старшего.

– Очень познавательно, – все-таки не удержался Дронго.

– Позднее Иаков купил у старшего брата право первородства за чечевичную похлебку. А Ревекка, которая любила младшего сына больше, чем старшего, воспользовавшись слепотой своего мужа, заставила того благословить младшего Иакова, отказав в благословении законно старшему Исаву.

– Ну и что? Я пока ничего не понимаю. Для того чтобы рассказать мне эту библейскую историю, нужно было устанавливать в вашем автомобиле генераторы шума? По-моему, это слишком сложно, Александр Петрович. Или вам кажется, что подобные библейские истории нужно рассказывать только таким образом?

– Не издевайтесь, – строго одернул его Соловьев, – слушайте дальше. Иаков, опасаясь гнева Исава, бежал и вернулся к брату лишь спустя много лет. При этом самого Иакова позднее нарекли Израилем, а Исав, помирившийся затем с братом, который все-таки признал его превосходство, стал называться отцом иудеев. Понимаете? С точки зрения законности, не потомки Иакова, а потомки Исава могут властвовать на земле Иудеи.

– Прекрасно. Но, по-моему, этот спор нужно оставить израильским теологам, которых у вас хватает. Или МОССАД решил внедрить меня в их число? – Он все-таки не мог удержаться от насмешки, его смешили серьезный тон собеседника, его маска, закрывавшая рот, и даже фамилия, которой тот назвался.

– МОССАД трижды пытался проникнуть в эту организацию, и все безрезультатно. Они не террористы, конечно. Не взрывают автобусов, никого не убивают. Но они тайное общество, имеющее свои цели. И мы обязаны знать, что именно они замышляют. Раньше мы могли не обращать внимания на подобные организации. Но после того как Иди Амик, гражданин Израиля, застрелил Ицхака Рабина, мы просто обязаны принять некоторые меры безопасности.

– Хорошо, – понял наконец Дронго, – будем считать, что вы ответили на мой первый вопрос. Хотя мне все равно непонятно, почему разведка должна влезать в подобные истории, тем более если все это началось несколько тысяч лет назад? И почему именно я? Вот этот вопрос меня волнует чрезвычайно. У вас мало своих специалистов? Или вы полагаете, что я могу сойти за раввина в Тель-Авиве? Почему именно я?

Соловьев посмотрел на него очень серьезно, затем обернулся, словно проверяя, не едет ли за ними еще кто-нибудь. И лишь затем сказал:

– По нашим сведениям, они через некоторое время выйдут на вас, предложив вам какое-то особое задание. Мы не знаем, какое именно, но мы знаем абсолютно точно – это будете вы, Дронго. И поэтому мы хотим опередить их.

– У вас надежные сведения? – нахмурился Дронго.

Соловьев посмотрел на него удивленно. Потом так же удивленно сказал:

– У израильской разведки не бывает ненадежных сведений. Кажется, вы могли бы это оценить еще по встрече с нашими представителями в Вене, в девяносто первом году.

– Я помню, – мрачно ответил Дронго, – игры ЦРУ и МОССАДа стоили мне тогда любимой женщины.

– Неверно. Это были игры с подключением третьей стороны – бывшего КГБ, в которых вы двое оказались лишь втянутыми в это противостояние.

– Вы действительно хорошо осведомлены, – пробормотал Дронго. – Когда они должны ко мне обратиться и по какому поводу?

– Мы этого узнать не смогли. Но, что будете именно вы, знаем наверняка.

– Ваша маска не дает возможности даже нормально дышать, – в сердцах произнес Дронго. – Значит, я должен буду отказаться от их предложения и рассказать все вам?

– Нет, конечно. Вы должны принять их предложение. Хотя, я думаю, вы и так согласились бы на это. В вас сидит какой-то непонятный дух противоречия. Вам, кажется, нравятся все эти игры. Словно они составляют смысл вашей жизни. А вот согласившись на их предложение, вы проинформируете и нас.

– Теперь все ясно. Здорово, однако, работает МОССАД. Он вербует агента, зная, что его через некоторое время завербует другая сторона. Это прямо высший класс профессионализма! Примите мои поздравления. Правда, я не могу понять – почему они обратятся именно ко мне?

– Этого и мы пока не знаем. Достаточно того, что нам удалось установить абсолютно точно, к кому они обратятся. И этим человеком будете вы.

– Вы даже это знаете, – уже не удивился Дронго. – Хорошо. Все понял. Я могу теперь наконец снять эту маску?

– У вас нет больше никаких вопросов? – спросил Соловьев. Его бородка выглядывала из-под маски, придавая лицу какое-то дьявольское и лукавое выражение.

– Есть. Еще один. Почему вы так уверены, что я буду работать не на них, а на вас? У меня ведь, кажется, появляется в таком случае выбор?

Соловьев резко затормозил машину. Помолчал. А потом спросил:

– Вы это серьезно?

– Я все-таки присмотрюсь, кто из вас мне больше нравится, – улыбнулся Дронго и сорвал маску с лица.

Глава 3

Только несколько концертных залов в мире имеют подобную репутацию и такую славу. И один из самых престижных для исполнителя – парижская Гранд-опера.

Он сидел в своей комнате и, как всегда, волновался, глядя на свои руки. Сегодня дирижирует сам маэстро Джузеппе Бончелли. И главные сольные партии исполняют известные, съехавшиеся со всего мира звезды, готовые петь сегодня для столь изысканной публики. Сам президент Франции и его английский гость – премьер соседней страны с супругами посетили в этот вечер его спектакль. Он закрыл от волнения глаза. Неужели действительно ему удалось? Наконец он сумел достичь гармонии, того самого абсолютного результата, превзойти который он уже никогда не сможет.

Что-то мешало. Мешало его радости. Он открыл глаза, в который раз посмотрел на свои руки, словно спрашивая себя, не сон ли это. Он поднялся и, сделав несколько шагов, щелкнул замком, чуть приоткрывая дверь. Шум в коридоре, привычный шум перед большой премьерой, убеждал в обратном. Он снова закрыл дверь на замок и вернулся на свое место.

Джордж Осинский, потомок польских эмигрантов, бежавших сто лет назад в неведомую Америку и осевших в самом центре страны – в благодатном штате Канзас, сидел на небольшом стульчике в специально предоставленном для него помещении в парижской Гранд-опера.

Сегодня должно было состояться первое исполнение его оперы в Европе. Столь приятное для него событие совпало с визитом премьер-министра Великобритании в Париж. И хотя Осинский знал, что визит согласовывался заранее, что о предстоящей встрече Мейджора с Шираком писали все газеты, тем не менее совпадение визита и даты его премьеры в Европе вызвало у него самый настоящий шок.

«Неужели столь велико могущество Якобсона? – в который раз думал он, глядя на свои руки. – Или я действительно всего лишь посредственный музыкант – композитор и исполнитель, обязанный своим успехом Песаху Якобсону, сумевшему сделать, казалось, невозможное?»

Он дернул плечом и посмотрел на лежавшую перед ним газету. Осинский получил хорошее образование и умел читать по-французски. «Американский „Шопен“ в Париже» – было набрано крупными буквами. Шопен, горько усмехнулся он. У Шопена была всего лишь Жорж Санд и не было своего Якобсона. Или у него был свой «злой гений». Нет, решительно отверг он подобную мысль. Достаточно послушать музыку польского композитора, чтобы понять всю абсурдность появления рядом с ним такого типа, как Песах Якобсон.

И все-таки, почему визит Мейджора совпал с его концертом в Париже? Как это странно. Подобные совпадения, случавшиеся в разных точках земного шара, уже не очень удивляли его. Он вдруг подумал, что сегодня исполнилось ровно пять лет с тех пор, как он познакомился с этим типом Якобсоном. Пять лет непрерывных триумфов и побед. И горький осадок в душе, терзаемой постоянной неуверенностью в себе.

Или это плата за успех? Он перевел дыхание, посмотрел на часы. Скоро будет финал. В нем одновременно должны петь сразу трое главных исполнителей. Интересно, как это получится у Луизы Сандлер, в Америке она пела действительно блестяще. Или это он сам внушил себе подобную мысль, снова подумал он с горечью. Воистину, он теперь должен постоянно испытывать адские муки, не зная, где начинается и где заканчивается его истинный успех, а где проходит черта его таланта.

Якобсон просто не позволит ему самому определять меру своих способностей. И меру своего успеха. Он умеет просчитывать все и, кажется, заранее знает, о чем думает его подопечный. Иногда Осинскому казалось, что Якобсон даже умеет читать его мысли.

Пять лет назад в Лос-Анджелесе, в небольшой квартире мало кому известного композитора Джорджа Осинского, пытавшегося писать музыку для кинофильмов, появился этот человек. Осинский помнил, как они впервые встретились. И хорошо помнил, что именно тогда сказал ему Якобсон.

Он приехал в отель «Ритц-Карлтон», где должна была состояться его встреча с продюсером нового фильма. Осинский никогда прежде не бывал в отелях подобного класса и чувствовал себя не совсем уверенно, ожидая в холле и несколько стесняясь своего потертого костюма. Нужный ему человек появился лишь через полтора часа в сопровождении девицы удивительной красоты. От одного вида молодой женщины у Осинского запершило в горле.

А ее спутник даже не стал разговаривать с этим неизвестным композитором. Он просто сказал, что они уже нашли нужного им аранжировщика мелодий, и пошел дальше, не обернувшись. Получив очередной отказ, Осинский даже не обиделся, он чувствовал, что в подобных отелях судьба не улыбается несчастным.

Через час он сидел в баре, привычно заказав себе двойную порцию виски. Еще через час двадцати пяти долларов уже не было. Домой он возвращался пешком. Идти было довольно далеко, и он порядком уже устал, когда на одной из темных улиц к нему привязались двое темнокожих и сняли с него пиджак, заодно отобрав часы и хорошо сохранившиеся ботинки. Оставшуюся часть пути он прошагал в одних носках, дрожа от холода.

По всем законам логики это был не его день. И тем более не его ночь. Но в эту ночь у него на квартире появился Якобсон. Он долго стучал в дверь, а Осинский, лежа в постели, не отзывался, опасаясь, что это пришел сосед, которому он задолжал десять долларов. И лишь когда Якобсон несколько раз крикнул, спрашивая, кто есть в доме, он поднялся, открыл дверь и впустил непрошеного гостя. И свою судьбу вместе с ним.

В комнату вошел невысокий плотный мужчина лет пятидесяти. Небольшие усы делали его похожим на типичных латиноамериканских импресарио, которые подвизались в маленьких театрах города, выпускающих спектакли-однодневки. На нем был смешной котелок и длинное черное пальто. Это особенно удивило Осинского. Конечно, на улице было достаточно холодно, но даже в январе в Лос-Анджелесе не обязательно было ходить в пальто. Можно было вполне обойтись плащом или курткой. Хотя многие предпочитали ходить просто в костюме. Средняя температура в этом «городе грез» в январе никак не опускалась ниже двенадцати-пятнадцати градусов тепла по Цельсию. А иногда доходила и до восемнадцати.

– Мистер Осинский? – приятным голосом спросил вошедший.

– Да. – Он с удивлением подумал, что обычные рекламные агенты по продаже каких-либо идиотских товаров решили поискать покупателей и в этом районе. Но когда гость прошел в комнату, обратил внимание на сукно пальто и на его туфли. Рекламные агенты никогда так не одевались.

– Что вам нужно? – спросил Осинский.

– Вы разрешите? – показал на стул незнакомец, снимая свой котелок.

Осинский кивнул. В эту ночь уже ничего не могло его удивить, все складывалось отвратительно плохо, и еще какая-нибудь пакость не могла повредить уже и без того окончательно загубленного настроения. Незнакомец сохранял удивительно спокойный вид, хотя видел мрачное настроение хозяина, совсем не обрадовавшегося его визиту.

– Вы Джордж Осинский, – словно подтверждая, сказал незнакомец, – позвольте представиться. Меня зовут Песах Якобсон. Я представитель небольшой компании, филиала известной японской компании «Сони» в Лос-Анджелесе. Нам нужен композитор и пианист. Аранжировщик некоторых мелодий. Нам рекомендовали вас. Вы не могли бы нам помочь?

– Кто рекомендовал? – почему-то шепотом спросил Осинский.

Якобсон достал из кармана бумагу.

– Это вы написали «Полуденный блюз»?

– Я, – кивнул еще более удивленный Осинский.

– Мы хотели бы заключить с вами договор. На полгода. Вас устроил бы такой срок?

– Да, конечно, – кивнул изумленный Осинский, – с какого числа?

– С сегодняшнего. И, если хотите, мы можем сразу договориться о гонораре. Двадцать тысяч долларов. Вас устроит такой гонорар для начала? Разумеется, потом мы можем изменить условия договора в сторону его увеличения.

– Да, – хотел сказать Осинский, но в горле опять запершило, и он сильно закашлял. Потом пришел в себя и, сидя на кровати, спросил: – А аванс вы заплатите?

– Разумеется. – Якобсон даже не улыбнулся. Он словно не замечал нищенской обстановки в комнате и испуганного композитора. Достав из кармана бумаги, положил их на стол. – Это предварительные условия договора. Я оставлю, чтобы вы могли посоветоваться со своим адвокатом.

– Я согласен, – даже не читая, заявил Осинский, – только с одним условием.

– Слушаю вас. – В кошачьих глазах Якобсона наконец блеснул интерес.

– Я бы хотел… – Осинский снова закашлял. Черт возьми, как это трудно в Америке! Можно просто спугнуть свою последнюю надежду. – Я бы хотел… часть гонорара получить уже сегодня. У меня некоторые проблемы.

– Да, конечно, – ничуть не удивился Якобсон, доставая из кармана пачку денег, – десять тысяч долларов вас устроит для начала?

И тогда впервые Осинский испугался. Он просто не мог себе представить, что появившийся ночью в их районе незнакомец может иметь при себе подобную сумму наличными. Это были безумные, невозможные, огромные, фантастические деньги. Пачка стодолларовых купюр лежала на столе, и он смотрел на нее, словно завороженный этим видением.

– Нет, – решительно сказал он, – так нельзя. Заплатите мне аванс только за первый месяц. Не нужно давать сразу половину суммы.

– Вы не поняли, – терпеливо объяснил Якобсон, смотря прямо в глаза несчастному, – мы предлагаем вам не двадцать тысяч долларов в качестве всего гонорара. Я говорил о договоре на полгода и плате за каждый месяц работы. Итого сто двадцать тысяч долларов.

Осинский закрыл глаза. Нет, это ему не снится. Сто двадцать тысяч долларов! Такую сумму за полгода не получает даже президент Соединенных Штатов [В настоящее время заработная плата президента США около ста семидесяти тысяч долларов в год.].

Неужели это не сон и незнакомец сейчас не растает у него на глазах?!

– Да, – сказал он и сам удивился своему несколько изменившемуся голосу, – да, – сказал он второй раз, – я согласен. Оставляйте ваши деньги и договор. Завтра я приеду со своим адвокатом.

– До свидания, – Якобсон надел свой котелок, – только распишитесь, пожалуйста, здесь за получение денег. Адрес указан в конце договора. Мы вас завтра ждем. В десять утра.

Он протянул квитанцию, и Осинский расписался. Когда за гостем захлопнулась дверь, Осинский целую минуту стоял, не решаясь дотронуться до денег. И лишь затем сделал несколько неуверенных шагов по направлению к столу. И дотронулся до пачки.

Деньги были реальностью. Они лежали на столе, тугая пачка новых стодолларовых купюр. Внезапно решив, что все это розыгрыш, он испуганно достал одну и быстро просмотрел ее. Все было верно. Новые деньги образца тысяча девятьсот девяностого года с металлической нитью внутри и портретом Франклина. Он пододвинул к себе всю пачку и пересчитал. Оказалось, что в пачке было девяносто девять бумажек. Он смутился: неужели пришелец обманул его? Или он не посчитал первую купюру?

Ему даже не могла прийти мысль, что ночной гость, который принес десять тысяч долларов наличными, стал бы воровать сто долларов. Вместо этого он сорвал обертку и снова стал

пересчитывать. На этот раз все было правильно, было ровно десять тысяч долларов. Он вздохнул, словно нашел недостающие деньги, и откинулся на спинку жалобно застонавшего стула.

Двадцать тысяч долларов в месяц! Неужели все это правда? Он подумал, что до утра нужно будет найти адвоката. И обязательно поехать завтра в эту фирму. Он наденет свои лучшие ботинки и лучший костюм. Тут он вспомнил, что у него уже нет ни ботинок, ни костюма. Он так страшно огорчился и испугался, что на мгновение даже забыл про лежавшие на столе деньги.

Но вид зеленых купюр вернул его к жизни. Какие ботинки? Какой костюм? Теперь он может купить все, что пожелает. Он взглянул на часы. Двенадцать часов ночи. Все магазины закрыты. Идти утром в фирму в порванных старых туфлях невозможно. Нужно что-то придумать.

И громко рассмеялся. Как это – что-то придумать! С такими деньгами ничего не нужно придумывать. Все получится само собой. Он рассовал деньги по карманам, надел свои рваные туфли и, осторожно открыв дверь, вышел на лестничную площадку. У соседа работал телефон, и Осинский решительно постучал к нему. Сонный мексиканец открыл дверь. Он был в нижнем белье и не скрывал своего недовольства.

– Что тебе нужно? – спросил он мрачным голосом. – Опять деньги?

– Нет-нет, – успокоил его Осинский, – я пришел отдать тебе долг. Вот, возьми.

Он протянул сто долларов. Мексиканец недоверчиво уставился на купюру. Потом усмехнулся:

– Фальшивые?

– Нет, настоящие, – убедительным голосом сказал Осинский. Мексиканец посмотрел на его рваные туфли, но, ничего не сказав, взял деньги. Потер их, посмотрел внимательно, еще раз потер.

– Да, – сказал он, – действительно настоящие, но у меня нет дома девяноста долларов. Только шестьдесят пять.

– Ничего, – махнул рукой Осинский, – не нужно. Я только позвоню от тебя.

Плохо соображавший хозяин впустил его в квартиру. Осинский прошел к телефону и набрал номер справочной, узнать, как заказать такси. Затем позвонил для вызова автомобиля. Услышав, куда придется ехать, диспетчер осторожно уточнил, что это довольно далеко от центра и придется платить очень большие деньги.

– Да, – сказал Осинский, – передайте водителю, что мы заплатим в два раза больше.

– Вы можете сказать номер своей кредитной карточки? – спросил диспетчер.

– Мы заплатим наличными, – быстро ответил Осинский.

– Простите, мистер, но в такой поздний час… – начал было диспетчер.

– В три раза больше, – закричал Осинский, – срочно посылайте машину. Я продиктую наш номер телефона, это будет гарантией. Какой у вас номер телефона? – спросил он у растерявшегося мексиканца. Тот испуганно продиктовал. Еще никто в их районе никогда не заказывал такси на дом. Это было действительно дорого.

Он протянул шестьдесят пять долларов Осинскому.

– Оставь их себе, – махнул музыкант, – мне они не нужны.

– Сегодня тебе выпал шанс, парень, – догадался мексиканец, – правильно я понял?

– Может быть, – засмеялся Осинский и вышел из квартиры.

Такси пришло через двадцать минут. За это время он собрал все свои бумаги в потертый кожаный чемоданчик, положил туда несколько любимых безделушек и, окинув комнату взглядом в последний раз, вышел на лестничную клетку, сильно захлопнув дверь.

Уже сидя в автомобиле, он откинулся на удобное кожаное кресло и пожалел, что не курит. Хорошая сигара была бы сейчас к месту. До отеля «Ритц-Карлтон», стоявшего на самом берегу, они доехали за полчаса. Счетчик показывал семьдесят долларов. Осинский протянул

две сотенные бумажки. Водитель вернул одну со словами «вы ошиблись, сэр». И тогда впервые Осинский улыбнулся так, как будет часто улыбаться впоследствии.

– Нет, – сказал он торжествующе, – я не ошибся. Оставьте себе вместо чаевых.

И пошел к входу в отель. Швейцар, стоявший у входа, встретил его подозрительным взглядом, мгновенно оценив его старый потертый пиджак, рваные туфли и кожаный чемоданчик. Но ничего не сказал, очевидно, вспомнив, что этот тип уже был здесь вечером и беседовал с кем-то из гостей отеля.

Войдя в холл, где он был всего лишь несколько часов назад, Осинский снова почувствовал себя неловко, словно нищий бродяга вдруг оказался в роскошном королевском замке. Но деньги лежали в карманах. Деньги были единственной реальностью, и он, набравшись нахальства, шагнул вперед.

За перегородкой стояла девушка с очаровательным именем Мелани. Она что-то набирала на компьютере и морщила свой красивый носик.

– Я хотел бы снять у вас номер, – сказал Осинский. Его рваных туфель и чемоданчика не было видно за стойкой. Девушка подняла голову. Улыбнулась ему.

– Конечно, мистер. Вы заказывали номер?

– Нет, я только приехал.

– Сейчас посмотрим, – улыбнулась девушка.

В это время из боковой комнаты вышел мужчина. Это был сам мистер Николас Клейтон, генеральный менеджер отеля, иногда проверявший, как работают его люди в вечернюю и ночную смены. Он увидел стоявшего у стойки оборванца и чуть нахмурился. Клейтон разглядел непрезентабельный наряд пришельца.

«Что нужно здесь подобному типу?» – недовольно подумал он, шагнув к Мелани:

– Что здесь происходит? – спросил он ледяным голосом. Не хватало еще, чтобы этот тип был знакомым его служащей.

– Мистер хотел бы у нас остановиться. Но он не заказывал номера заранее, – пояснила девушка, – я ищу ему одноместный номер.

Самый дешевый номер в этом отеле стоил не меньше двухсот сорока долларов, а с добавленной двенадцатипроцентной таксой и того больше. К тому же Клейтон просто не мог позволить поселиться в их отеле этому ненормальному. Даже если у него случайно окажется две сотни лишних долларов.

Компьютер показал наличие нескольких свободных одноместных номеров. Клейтон легко отодвинул девушку и сказал неприятному клиенту:

– У нас нет одноместных номеров, мистер. Только люксы-сюиты. Извините, но, боюсь, мы не сможем вам ничем помочь.

– Хорошо, – сказал этот ненормальный, – а сколько стоит сюит?

Улыбка тронула губы мистера Николаса Клейтона. Сейчас этот тип узнает цену и уйдет отсюда навсегда. Такие цены просто не для подобных типов.

– Самый дешевый сюит стоит пятьсот пятьдесят долларов, сэр. Плюс двенадцать процентов таксы. У нас есть номера за семьсот и тысячу. Есть и королевские апартаменты-люкс.

– А сколько они стоят? – спросил этот тип.

«Он ненормальный, – разочарованно подумал Клейтон, – просто больной, псих».

– Две тысячи двести долларов, – сказал он, – обычно в них останавливается кто-нибудь из голливудских знаменитостей.

Именно эта фраза Клейтона и решила все дело. «Голливудские знаменитости». Именно звездой этого поганого места и хотел всегда стать Джордж Осинский. Он поднял глаза на менеджера. Теперь в них была решимость.

– А они свободны? – спросил он более решительным голосом.

Клейтон не почувствовал смены настроения своего собеседника. Он был слишком увлечен своей игрой.

– Конечно, – ответил он, переглянувшись с улыбающейся Мелани, уже догадавшейся о его игре, – конечно, они свободны, и мы можем их вам предоставить. Если вы, конечно, их захотите взять и оплатить.

– Да, – сказал вдруг этот идиот, – на два дня.

Клейтону показалось, что он ослышался.

– Простите, – уточнил он, делая чудовищное усилие, чтобы его улыбка была по-прежнему веселой и не превратилась в жалкую, – вы хотите взять эти апартаменты?

– Если можно, – ответил незнакомец, – вот плата за два дня вперед. Оформите депозитом.

И протянул пять тысяч долларов наличными.

«Господи, какой я идиот, – испугался Клейтон, – это, наверное, кто-нибудь из голливудских режиссеров или продюсеров. Конечно, я должен был догадаться. Эти туфли, этот чемодан. Такое могут позволить себе только очень богатые люди».

– Оформляйте, – больно толкнул он в бок растерявшуюся Мелани, словно и она была виновата в том, что он так ошибся.

– Люк! Ник! – закричал он пронзительным голосом на швейцаров, лениво дремавших у выхода. – Багаж мистера срочно в королевские апартаменты-люкс.

Он не кричал так никогда в жизни, и перепуганные швейцары бросились к старому кожаному чемоданчику Джорджа Осинского. Мелани дрожащими руками вводила данные мистера Осинского в компьютер, сбиваясь от волнения и чувствуя на себе ненавистный взгляд мистера Клейтона.

– Все в порядке? – спросил Клейтон. – Джеральдина, замените нас, мы с Мелани покажем нашему гостю его апартаменты-люкс.

И он пошел вместе с девушкой и Осинским к лифту, чтобы показать такому клиенту его номер. Но створки лифта, в который вошли знакомый продюсер и его очаровательная спутница, закрылись.

– Красивая женщина, – печально сказал Осинский.

– Да, – сразу подтвердил Клейтон. Он теперь был готов соглашаться с чем угодно. – Но они живут в разных номерах, – почему-то осторожно добавил он.

Они прошли мимо магазина одежды, расположенного прямо в холле отеля. Осинский задумчиво посмотрел на витрину.

– Там наверняка есть одежда моего размера, – сказал он более уверенным тоном. – Может, вы могли бы открыть этот магазин?

– Очень сожалею, – улыбнулся Клейтон, – они уже ушли. Но утром они будут.

– Мне нужно одеться именно сейчас, – упрямо сказал Осинский.

– Они закрылись, – улыбнулся Клейтон, – если ничего не произойдет, они появятся только утром.

– Ясно. – Осинский посмотрел на витрину и снова обратился к менеджеру отеля: – А если вдруг у них сломается витрина или разобьется стекло? Они тогда приедут сюда?

– Конечно, приедут, – удивился Клейтон, – но у нас есть своя охрана. Внутри отеля ничего не может произойти.

– А сколько стоит такое стекло?

– Долларов триста. А почему вы спрашиваете? – спохватился Клейтон, но было уже поздно. Незнакомец деловито снял с ноги рваную туфлю и сильным ударом разбил стекло. Завыла сирена, засуетились служащие отеля.

– Все в порядке, – улыбался Клейтон уже откровенно жалкой улыбкой, – все в полном порядке. Это случайно разбилось стекло. Не волнуйтесь. Все в порядке.

– Пусть теперь приедут и поднимут ко мне в номер костюм, рубашку, галстук, носки и туфли, – попросил Осинский. – Да, и носовые платки.

– Конечно, – наклонил голову Клейтон. Они вошли в лифт, поднялись в апартаменты. Пока менеджер ходил по комнатам, лично объясняя, где что находится, Осинский тихо сказал восхищенно смотревшей на него Мелани:

– Надеюсь, завтрашний вечер у вас свободен?

Девушка бросила на него быстрый взгляд и кивнула.

Еще через час в номер к Осинскому доставили все, что он заказал, добавив ремень и предъявив счет на полторы тысячи долларов. Вдобавок ко всему он попросил лезвия и крем для бритья. Приняв душ, побрившись, он переоделся и впервые посмотрел на себя в зеркало. Там стоял совсем другой человек.

– Песах Якобсон, – вспомнил имя неизвестного Осинский и расхохотался, подмигнув себе. А затем поднял трубку и попросил передать записку с приглашением к себе в номер продюсера и его красивой спутницы.

Был второй час ночи, но в Лос-Анджелесе, в этом городе, ставшем колыбелью Голливуда, не отказываются от предложения подняться в королевские апартаменты-люкс даже в такое время. Продюсер решил, что здесь остановился кто-то из мировых знаменитостей. И через пять минут, поднявшись наверх со своей спутницей, уже стучался в дверь.

Увидев Осинского, он долго вспоминал, когда они встречались, и долго хохотал, когда Джордж рассказал ему о вечерней встрече. Продюсер искренне решил, что его разыграли. А его спутница, оказавшаяся всего лишь его сестрой, очень благосклонно и с удовольствием принимала комплименты от хозяина апартаментов. Подобная роскошь производила впечатление независимо от сказанных слов.

Вечеринка продолжалась всю ночь. Утром Осинский с тяжелой головой ехал в фирму, опасаясь только одного: что потребуют вернуть полученные деньги. Но Якобсон не потребовал. Напротив, он выдал еще десять тысяч, и они подписали договор. Вернувшись в апартаменты, Осинский застал там сестру продюсера. И хотя у него, как обычно, не все получилось, он все равно был счастлив.

И только когда она ушла через час, он снова подошел к зеркалу и, стоя перед ним, абсолютно голый, вдруг показал сам себе язык. Словно предчувствуя всю свою дальнейшую жизнь.

И сейчас, сидя в комнате Гранд-опера, он покачал головой. Как давно все это было! Он снова взглянул на часы. Они должны уже закончить. Он осторожно приоткрыл дверь. Вышел в коридор. Да. Так и есть. Слышны заключительные аккорды. Финал. Последние звуки. Он замер, прислонившись к стене.

Все. Музыка кончилась. Мгновение, еще одно мгновение. Третье мгновение. Все тихо. Господи, испугался он, задыхаясь от ужаса и собственной неуверенности. Неужели провал? Нет. Сначала отдельные хлопки, а потом шквал аплодисментов, восторженные крики почитателей. Зал содрогался от аплодисментов благодарных зрителей. Господи, подумал он снова, закрывая глаза, кажется, и на этот раз все хорошо.

– По-моему, вам нужно выйти к зрителям, Джордж, – услышал он хорошо знакомый голос и, не открывая глаз, кивнул головой. Он знал, кому именно мог принадлежать этот голос. Открыл глаза. Перед ним стоял Песах Якобсон.

– Идите, – ласково повторил он, – там такой грандиозный успех.

И этими словами испортил Осинскому настроение.

Глава 4

Эта зима в Москве была особенно холодной. Морозы иногда доходили до двадцати пяти – тридцати градусов, и даже ярко освещенные центральные улицы города, где многие магазины работали до восьми-девяти часов вечера, выглядели обезлюдевшими, словно в период введения комендантского часа.

Дронго не любил приезжать в Москву в это время года. Он вообще не переносил сильных холодов, предпочитая зимой находиться далеко отсюда, на юге. Но в этот раз в Москву он был вынужден прилететь именно в середине февраля, когда ударили особенно сильные морозы.

Он с огорчением обнаружил, что забыл перчатки, и теперь ходил по улицам, засунув руки глубоко в карманы пальто. Но это не очень спасало, и руки все равно мерзли.

Телефонный звонок был, как всегда, неожиданным и поэтому особенно неприятным. Он прозвучал в десять часов утра, когда Дронго, читавший ночью одного из любимых американских фантастов Рея Брэдбери и заснувший по привычке очень поздно, еще спал. Звонок был громким и требовательным, и он, поднявшись с постели, вынужден был подойти к телефону.

– Слушаю вас, – пробормотал Дронго, взглянув на часы. «Какой идиот звонит чуть свет?» – подумал он.

– Простите, что беспокоим вас так рано утром, – раздался голос. Дронго поморщился. Говоривший явно был янки: он проглатывал слова.

– Вы не туда попали, – сказал он по-русски и уже хотел положить трубку, когда услышал:

– Простите еще раз, мистер… – И неизвестный назвал его по имени и фамилии. – Я думаю, мы позвонили правильно.

– Что вам нужно? – Он принципиально говорил по-русски. А его собеседник так же принципиально говорил только на английском, но почему-то отвечая на вопросы, заданные на совсем другом языке.

– Нам нужно с вами встретиться, – предложил незнакомец, – сегодня в три часа дня вас устроит?

– Почему я должен с вами встречаться?

Стоять на полу было холодно, и он даже пожалел, что вылез из постели.

– Мы могли бы сделать вам весьма интересное предложение, – произнес этот неприятный тип, по-прежнему говоривший исключительно на английском языке.

– Я не женщина, чтобы мне делать предложение, – зло пробормотал Дронго, переведя с английского на русский и используя двусмысленность в слове «предложение». Его собеседник тем не менее все отлично понял.

– Конечно, – согласился он на этот раз на русском языке, но с некоторым характерным акцентом человека, долго говорившего по-английски за океаном, – вы можете отказаться. Но нам казалось, что вам будет интересно.

– Вы приглашаете меня в Диснейленд? – Было уже совсем холодно, но он продолжал говорить. Каждое слово, вытянутое из незнакомца, послужит хорошим материалом для предварительной подготовки. Если знать психологию, то простой телефонный разговор может дать массу информации. А Дронго знал психологию. Тембр голоса, интонации, знание языков, интеллект, эмоциональность, манеру подачи информации, толерантность, коммуникабельность, характер, даже профессию говорившего можно определить в результате обычного телефонного разговора. И здесь важно получить как можно больше информации.

– Можно сказать, да. Мы увидимся с вами в три часа дня и все обговорим. Если захотите, можете отказаться сразу во время беседы.

– Отказаться от чего?

– От нашей дальнейшей беседы. В три часа дня в холле отеля «Москва». На первом этаже.

– Как я вас узнаю?

– Достаточно того, что я вас узнаю.

– Хорошо, – пробормотал Дронго, – будем считать, что договорились.

– До свидания. – Незнакомец положил трубку.

Дронго пошел к своей постели. Почему-то спать уже не хотелось. Он отправился в ванную. Стоя под горячими струями, анализировал телефонный разговор. Звонивший был уверен в том, что их разговор не прослушивается, значит, сумел подключить к своему аппарату какое-то техническое устройство.

Говоривший явно знал оба языка. И знал хорошо. Это был не американец. Это был бывший гражданин СССР, достаточно давно переехавший в Америку. В меру интеллигентен, но не слишком. Достаточно спокоен, не вспыльчив, имеет относительно устойчивый характер. Умеет вести беседу, выдержан, коммуникабельность выше средней нормы.

Видимо, это тот самый представитель, о котором ему говорили представители МОССАДа. Дронго в который раз подивился их безупречной работе. Ему еще не сделали предложения, а они уже знали, что именно ему будет предложено нечто. И сумели опередить своих потенциальных противников. Интересно, подумал Дронго, выходя из ванной комнаты, кто еще слушал их беседу? И сумели ли подключиться к его аппарату представители СВР или МОССАДа? Впрочем, это не столь важно, он все равно должен сразу информировать о состоявшейся беседе Александра Петровича. А заодно позвонить и в СВР, которых не меньше, чем его, интересует – чем вызван такой повышенный интерес МОССАДа именно к его персоне.

Впрочем, очень может быть, что его звонки не понадобятся. Обе разведки вполне могли за это время «пристроиться» к его телефонному аппарату и записать разговор с неизвестным от начала до конца. И этим, кстати, выяснить потенциал искренности самого Дронго, который должен будет рассказать обо всем. Все точно просчитано, если не учитывать то обстоятельство, что позвонившие также могли взять его под свой жесткий контроль и в таком случае его дальнейшие звонки кому-либо окажутся ненужными и малопродуктивными.

Ровно в три часа дня Дронго сидел за столиком в бельэтаже гостиницы, где был небольшой бар, справа от входа со стороны Тверской, и наблюдал за движением в холле отеля. Суетились люди, спешили гости, командированные и просто отдыхающие. Причем последние выделялись на фоне остальных своей расслабленной походкой, обилием бумажных и целлофановых пакетов, с которыми они возвращались в гостиницу.

Еще несколько лет назад больше всего сумок и сеток было в руках командированных, которые, пользуясь моментом, добывали те или иные дефицитные товары, недоступные в их родном городе. Москва была в те годы одним большим универсальным магазином, куда летали и ездили миллионы людей за одеждой, продуктами, бытовыми товарами. Столица первого в мире социалистического государства обязана была иметь полный достаток, служивший витриной достижений социалистического хозяйства для иностранцев. И потому огромные очереди, в основном из приезжих, заполняли магазины.

Теперь все изменилось. Магазины были переполнены товарами не только в столичных городах. Прежде недоступный дефицит от парфюмерии до одежды, от заморской колбасы до консервов был в любом городе, в любой деревне. Но взлетевшие цены и почти катастрофическое обнищание людей не позволяли большинству из них покупать эти товары. А командированные, число которых сократилось сразу в десятки и сотни раз, так как ездить теперь приходилось в основном за счет частных компаний, не любивших выбрасывать деньги, уже не спешили в магазины. Только очень богатые люди могли позволить себе отдыхать в Москве и просто так тратить деньги. К этому времени столица России прочно заняла первое место в мире по дороговизне и продолжала увеличивать этот отрыв от других городов.

Бросалось в глаза и почти полное отсутствие детей. Немногие в эти смутные времена рисковали брать с собой в столь опасный и дорогой город своих детей. Убийства и разборки

на улицах Москвы стали привычным явлением в середине девяностых годов. И вскоре Москва перегнала и по этому показателю практически все цивилизованные города, стремительно ворвавшись в первую пятерку самых неблагополучных столиц мира.

Этот незнакомец возник неожиданно, словно появился из небытия. Просто стояло пустое кресло, а затем вдруг в нем оказался мужчина лет пятидесяти, смуглый, черноволосый, с характерным разрезом азиатских глаз. На нем была тяжелая длинная дубленка, меховую шапку он держал в руках. Он сидел в кресле и смотрел прямо перед собой, словно ожидая увидеть Дронго, появившегося таким же непонятным образом, как и он сам, в соседнем кресле.

Дронго спустился вниз, наблюдая за незнакомцем. Тот не шевелился. Но внимательно следил за всем, что творится вокруг него. Дронго подошел к нему сзади. Когда до неизвестного оставалось несколько шагов, тот быстро вскочил, словно у него были глаза на затылке. Или компаньон в зале, сразу понял Дронго.

– Добрый день! – сказал незнакомец. – Это я вам звонил сегодня утром.

– Добрый день! – Дронго кивнул незнакомцу. – Мы поговорим здесь или поднимемся наверх? Там есть спокойное место, где нам не будут мешать…

– Конечно, – кивнул незнакомец, – давайте поднимемся наверх.

Они поднялись по лестнице и, пройдя по низкому коридору, вернулись в бар.

– Вы будете что-нибудь пить? – спросил Дронго.

– То же, что и вы, – улыбнулся незнакомец, показывая свои искусно сработанные дантистом зубы, – а так как вы ничего не пьете, то давайте ограничимся кофе. Хотя нет, его вы тоже, кажется, не любите. Тогда лучше чай.

– Вы, наверное, изучали мои привычки, – усмехнулся Дронго, заказывая чай, – или это вы говорите специально, чтобы произвести впечатление?

– Я говорю это специально, чтобы произвести на вас впечатление, – очень спокойно подтвердил незнакомец, – а заодно дать вам понять, с кем именно вы будете иметь дело.

– И с кем я буду иметь дело?

– С организацией, которая имела возможность узнать о вас все. Вы бывший эксперт специального комитета ООН по вопросам преступности, один из лучших аналитиков мира, если не самый лучший, совмещающий часто свои теоретические изыскания с практической работой. В свое время именно с вашей помощью были проведены крупные операции в Индонезии, Мексике, США. В 1988 году вы сумели предотвратить покушение на жизнь президентов США и СССР, получив при этом тяжелое ранение. Потом некоторое время вы сотрудничали с разведкой. Выполняли их деликатные поручения. Работали в Европе и Америке. Я ничего не пропустил?

– Нет, – Дронго уже ничему не удивлялся, – у вас хороший архив. Я, правда, не знаю, чем обязан такому интересу с вашей стороны. Кстати, вы еще не представились.

– Рамеш Асанти, – улыбнулся незнакомец.

– Интересно, – вслух сказал Дронго, – я думал, вы бывший гражданин СССР. Вы говорите на хорошем русском языке. Могу поспорить, что вы раньше жили где-нибудь в Средней Азии.

– Да, – улыбнулся Рамеш, – я вырос в Душанбе. Отец у меня был индусом, а мать – таджичка. Вы всегда так точно определяете?

– Нет. Просто Асанти – фамилия необычная. Ни отец, ни мать не могли иметь такой фамилии. Верно?

– Я ношу фамилию отчима, – кивнул, явно заинтересовавшись, Рамеш, – вы действительно интересный человек, мистер Дронго. Я не думал, что вы так, с ходу, начнете демонстрировать свои способности. Это очень интересно.

– Могу добавить, что вы уже давно переехали из этой страны и теперь в вашей речи ощутимо присутствует английский язык. Вы даже говорите с английским акцентом. Но по тому, как вы со мной говорите, я понял, что вы живете в Америке. Я прав?

– Да. – Рамеш уже не удивлялся. Он только пристально смотрел на своего собеседника. – Кажется, вы действительно прекрасный аналитик, мистер Дронго.

Принесли чай и пирожные. Рамеш пододвинул к себе чашечку и положил два куска сахара. Дронго, не любивший пить чай с сахаром, взял одно пирожное.

– И зачем я был нужен вам? – спросил он. – Вы так тщательно собирали обо мне весь этот материал, что скоро можете написать мою биографию. Надеюсь, у вас нет такого намерения?

Рамеш оценил шутку.

– Нет, – сказал он, – я не собираюсь писать. Я уполномочен сделать вам необычное предложение. Мы хотели бы с вами немного поработать.

– Это уже конкретнее. Кто это «мы»? Какую страну вы представляете?

– Никакую, – покачал головой Рамеш, – мы не служим ничьим интересам. Мы – благотворительная частная компания, занимающаяся своими проблемами. Своеобразный фонд развития.

– И у этого фонда была возможность даже изучить мою биографию?

– Да.

– Интересные возможности вашего фонда начинают меня интриговать. И как называется ваш фонд?

– Фонд развития независимых демократий, – улыбнулся Рамеш.

– Никогда о таком не слышал. Где находится ваш центр?

– В Женеве. Филиалы есть в Буэнос-Айресе, Йоханнесбурге, Сиднее и Бангкоке.

– Значит, у вас интернациональная компания.

– Вы правильно все поняли.

– И как у вас идет работа с независимыми демократиями? Получается?

– Иногда да, иногда нет. Мы занимаемся чисто теоретическими изысканиями, не вмешиваясь в практические дела молодых государств.

– И это понятно. Так чем я могу быть полезен вашему Фонду? И, если можно, вразумительно объясните, почему именно я? Вы прилетели специально из Америки, чтобы встретиться со мной? Не слишком ли это накладно? Или в Америке нет специалистов подобного уровня?

– Я отвечу на все вопросы, – сказал Рамеш, поставив чашку на стол, – я действительно вчера прилетел из Вашингтона. И действительно хотел встретиться только с вами. У нас возникла проблема, решить которую можете вы. Именно вы, так как однажды вы уже справились с подобной задачей. Поэтому я и прилетел к вам.

– Что это за проблема?

Вместо ответа Рамеш достал из кармана фотографию, передал ее Дронго.

– Вы знаете этого человека?

Дронго пригляделся.

– Кажется, я его видел. Да, я его знаю. Это Альфред Шварцман. Профессиональный убийца по кличке Ястреб. Но он сидит в тюрьме. Его арестовали в Бразилии в восемьдесят восьмом году.

– С вашей помощью, – уточнил Рамеш.

– Да. С моей. Его приговорили к двадцати годам, и он еще долго будет сидеть в тюрьме.

– Он сбежал, – возразил Рамеш, – и сейчас находится в Европе.

– Мне нужно его найти и вернуть на место, – усмехнулся Дронго. – Вы не считаете, что этим должен заниматься Интерпол?

– Не считаю. Дело в том, что, по нашим сведениям, Ястреб прилетел в Европу не просто так. Он готовит убийство.

– Опять какой-нибудь президент или премьер, – улыбнулся Дронго, – я в эти игры уже не играю. У каждого должностного лица подобного ранга есть своя многочисленная охрана, государственные службы, разведка и контрразведка. Вот пусть эти профессионалы и занимаются

охраной своего лидера. Я на роль палочки-выручалочки не подхожу. Надеюсь, вы помните, что означает это слово?

Рамеш не обиделся. Вместо этого он забрал фотографию Шварцмана и положил ее снова в карман. Потом достал другую, передавая ее Дронго. Тот взял фотографию и долго смотрел. Этого человека он никогда не видел. За фортепиано в черном фраке сидел сравнительно молодой человек, лет сорока – сорока пяти, и вдохновенно играл. Дронго перевернул фотографию. Никаких надписей не было. Он вернул ее Рамешу.

– Я не знаю этого человека. И никогда его не видел.

– Правильно, – кивнул Рамеш, – это Джордж Осинский, американский композитор и исполнитель. В Европе его называют «вторым Шопеном». Недавно в парижской Гранд-опера состоялась премьера его оперы. Говорят, это было незабываемое зрелище.

– Очень рад за Осинского. При чем тут он? И при чем тут я?

– Ястреб прилетел в Европу, чтобы убить Осинского, – сообщил Рамеш.

Дронго оглянулся. Их разговор вполне могли подслушать. Словно поняв, о чем он беспокоится, Рамеш тихо сказал:

– У меня в кармане включенный скэллер.

Дронго еще раз взял фотографию. Внимательно на нее посмотрел.

– Зачем Ястребу убирать этого композитора? Он связан с мафией?

– Нет.

– Персональный заказ завистливых конкурентов?

– Мы этого не знаем.

– Тогда почему?

– Мы знаем только то, что Ястреб начал охоту на Осинского в Европе. И для этого специально прилетел в Париж. Я уполномочен сделать вам предложение. Если вы согласитесь охранять Джорджа Осинского, мы готовы заключить с вами специальный договор.

– Я никогда не работал телохранителем.

– Это не понадобится. У Осинского есть свои телохранители. Вам нужно применить только ваши аналитические способности. И постараться, во-первых, предотвратить любые покушения на жизнь композитора, а во-вторых, узнать, кто именно мог помочь Ястребу бежать из тюрьмы. И кто поручил ему это убийство.

– А почему Фонд развития независимых демократий так интересует судьба Осинского?

– Он гениальный композитор, – вздохнул Рамеш, – мы обязаны оберегать таланты такого масштаба.

– Будем считать, что я вам поверил. Хотя мне все равно непонятно, почему вы решили охранять именно этого гениального композитора. А не другого. Ну это ваше дело. У вас могут быть свои странности.

Рамеш сжал зубы, но ничего не сказал. Он просто внимательно следил за рассуждениями Дронго.

– Сколько времени я должен быть рядом с Осинским? – уточнил Дронго.

– Пока не поймают Ястреба.

– Условия нашего договора?

– Тысяча долларов в день. И так до тех пор, пока не возьмут Ястреба. Разумеется, в этом случае вы получите деньги за три месяца вперед.

– Хорошо, – кивнул Дронго, – может, я и соглашусь. Вы все-таки не ответили на один мой вопрос. Почему вы обратились именно ко мне?

Рамеш взял обратно фотографию Осинского. Положил ее во внутренний карман и только потом сказал:

– У вас ведь один раз уже получилось с этим Ястребом. А мы хотели бы иметь некоторые гарантии, что вы сумеете поймать эту хищную птицу и во второй раз.

Глава 5

Каждый раз, прилетая в Париж, он вспоминал притчу о «даче богов». Когда боги раздали всем земли, то явившемуся последним французу досталась лишь «дача богов». И если сама Франция была подобной дачей, то Париж был ее сердцем. И все мыслимые и немыслимые эпитеты, которыми награждался этот «город любви», были лишь жалкой попыткой дать название этому чуду человеческой цивилизации конца двадцатого века.

Лишь немногие города мира по красоте и величию могли сравниться с Парижем. Но ни один из них не нес в себе столь мощный заряд любви и энергии, концентрации счастья и всепобеждающей жизни, какой имел Париж. Это был его один из самых любимых городов мира. Объездив практически весь земной шар, побывав повсюду, он знал и ценил крупные города, эти образцы человеческого гения и достижений современной науки, столь полно воплощавшие в себе устремленность цивилизации в будущее.

За сутки до своего вылета в Париж он позвонил Соловьеву. И они встретились по предложению Соловьева снова в его автомобиле. И снова были смешные маски и вся современная техника, чтобы исключить возможность услышать их разговор.

– У меня была встреча, – сообщил Дронго.

– Мы знаем, – подтвердил представитель МОССАДа.

– Неужели вы за мной следили?! – удивился Дронго. – Я ведь проверял. Там никого не было.

– Конечно, нет, – успокоил его Соловьев, – это было бы слишком непрофессионально. Любое наблюдение можно вычислить и заметить. Нет, у нас свои источники. Вам уже сделали предложение?

– Как девице на выданье, – подтвердил он.

– И о чем вас попросили?

– Нейтрализовать Ястреба. Это профессиональный убийца Альфред Шварцман. Я с ним уже сталкивался восемь лет назад. Тогда ему поручили помешать мне добраться до Вашингтона.

– Ясно, – Соловьев был явно разочарован, – и все?

– Практически да. Только нейтрализовать Ястреба. Ему почему-то в этот раз поручили убрать Джорджа Осинского. – Последние два слова он намеренно произнес приглушенно, неразборчиво, чтобы выяснить реакцию агента МОССАДа.

– Кого? – переспросил Соловьев. И по этому быстрому вопросу, по реакции своего собеседника, не сумевшего сдержаться, несмотря на весь свой опыт, Дронго понял, что именно более всего волновало МОССАД. Имя человека, против которого должен быть направлен основной удар.

– Джордж Осинский, – повторил на этот раз громко и четко Дронго, – это американский пианист и композитор. Он сейчас гастролирует в Европе.

– Осинский, – задумчиво повторил Соловьев, – значит, Осинский.

– Вы уже знаете теперь, зачем я им понадобился, – продолжал Дронго, – может, мне вообще не стоит лететь в Париж?

– Как это не стоит? – не понял Соловьев. – Вы хотите сказать, что можете отказаться от их предложения?

– И от вашего тоже.

Соловьев подозрительно взглянул на него. Потом медленно спросил:

– Вы специально сказали в первый раз его фамилию неразборчиво?

Он был настоящим профессионалом.

– А вы как думаете?

– Один – один, – махнул рукой Соловьев. – Вы меня здорово поймали. Никогда не думал, что так легко попадусь на примитивную уловку. Конечно, нам было очень важно знать, что именно они от вас попросят. Но еще более важно, чтобы вы полетели в Париж и приняли участие в охране Джорджа Осинского. Очень важно.

– Тогда я полечу, – спокойно ответил Дронго. – Кстати, я очень люблю этот город и с удовольствием побываю там еще раз.

На следующий день он вылетел в Париж. В аэропорту он обменял небольшую сумму денег, с удивлением узнав, что американский доллар успел довольно сильно упасть после его последнего визита в Западную Европу. И теперь за один доллар давали гораздо меньше пяти франков.

Он помнил, что должен остановиться в отеле «Наполеон», расположенном на авеню Фридленд, рядом с Триумфальной аркой. Сев в такси, он назвал адрес и вскоре уже был рядом с отелем. Забрав свой небольшой чемоданчик, вошел в здание.

– Мне должен быть заказан номер, – сказал Дронго, называя имя, под которым он теперь будет жить в этом отеле.

– Да, мистер, – сказала молодая девушка, проверив по компьютеру. – Вам заказан и оплачен номер «Юниор сюит». Вы хотите пройти прямо сейчас?

– Да, конечно, – подтвердил Дронго. «Почему „Юниор сюит“? – подумал он, чуть улыбнувшись. – Или у Фонда нет денег на полный сюит? И вообще зачем сюит? Вполне хватило бы одноместного номера».

Только поднявшись наверх, в номер, он понял, в чем было дело. Его сюит был за двумя номерами – сто пятым и сто шестым. Большие коридоры, специальная небольшая комната-гардероб, спальня, гостиная, большая ванная комната. Но самое главное – его номер выходил на очень большой балкон, с которого можно было видеть Триумфальную арку, расположенную в пятистах метрах от отеля, и спокойно уйти в случае необходимости через другие номера.

Номер ему понравился. Это был номер, выдержанный в строгом, типично французском стиле девятнадцатого века. Мебель, стилизованная под старину, большие кровати, красивый диван в гостиной с загнутыми подлокотниками в виде старинных свитков, кресла, светильники. И обязательно телевизор с полсотней программ от Си-эн-эн, ставший визитной карточкой солидных отелей.

Приняв душ и переодевшись, он попросил принести обед прямо в номер. Через десять минут предупредительный официант выполнил заказ. Расписавшись за обед и добавив к счету чаевые, Дронго вышел на балкон. И хотя было довольно холодно – зима в этом году в Париже вообще оказалась на редкость неприятной и слякотной, – тем не менее сам вид Триумфальной арки и раскинувшейся панорамы заставлял забыть и о ненастной погоде, и о сложном задании, из-за которого он прилетел в Париж.

Вернувшись в номер, он снова позвонил. На этот раз портье.

– Мне нужны билеты в Гранд-опера. Там сегодня вечером должна быть новая опера Джорджа Осинского. Запишите. Да, Осинского. Один билет.

– Боюсь, мсье, что это невозможно, – предупредительно сказал портье, – билетов на сегодня мы можем не достать.

– Может, вам уже оставили для меня билет? Я заказывал его несколько дней назад, – сказал Дронго, – и просил прислать его вам.

Через минуту к нему в номер позвонили.

– Да, мсье, – любезно сообщил портье, – ваш билет привезли сегодня утром. Сейчас его вам принесут.

– Спасибо. – Он положил трубу. Пока все шло по плану.

Через минуту ему принесли билет. Кто-то позаботился, чтобы он посмотрел сегодняшний спектакль, сидя в ложе. Только после этого он стал наконец обедать. Сидя за столиком, он вспоминал все, что ему было известно о Ястребе.

Альфред Шварцман. Ему сейчас уже должно быть сорок семь лет. Наверное, он изменился. Восемь лет назад был совсем другой – гибкий, стремительный, ловкий. Он родился в Бремене, в сорок девятом году. Уже в шестнадцать лет был осужден бременским судом за грабеж. Получил три года, но как малолетний довольно скоро был выпущен на свободу. И в шестьдесят девятом году, уже в Гамбурге, получил за покушение на убийство пять лет. В этот раз ему пришлось отсидеть три года. Но урок не пошел впрок, и уже в семьдесят шестом он получает еще восемь лет за убийство.

Лишь выйдя на свободу в восемьдесят втором, отсидев шесть лет из восьми, он переквалифицируется в профессионального убийцу и более никогда не попадает под юрисдикцию федеральных органов Германии. Но зато вырабатывает свой «характерный почерк» и совершает убийства в Германии, Италии, Ирландии, Франции, в Латинской Америке. По непроверенным данным, в середине восьмидесятых у него появляется жена, проживающая в Швейцарии, которая и рожает ему сначала сына, а затем двух девочек-близнецов. Именно ему в конце восемьдесят восьмого поручают убийство Дронго. И именно Дронго останавливает его кровавый путь в Бразилии, где Ястреба арестовали. Тогда французское правительство потребовало выдачи Шварцмана за убийства, совершенные в Марселе и Гренобле.

Бразилия не выдала Шварцмана, но в местном суде удалось доказать причастность Ястреба к убийству одного из бразильских бизнесменов, и он получил максимально возможное наказание. Тогда казалось, что всю оставшуюся жизнь Шварцман проведет в тюрьме. Но вот теперь он снова на свободе. И, более того, снова получил задание и снова вышел на охоту.

Как же он мог так рискнуть, подумал Дронго. Прилететь во Францию. Ведь если его здесь арестуют – пожизненное заключение ему обеспечено. И выйти из французской тюрьмы будет куда сложнее, чем из бразильской. Тогда почему он согласился на такой опасный вояж? Никакие деньги не компенсируют этой опасности. Или у него другие мотивы? Дронго налил в стакан кока-колы. Он почти не пил спиртных напитков и никогда не курил. Получается, что Ястреб просто отрабатывает некий аванс. Аванс? Его освободили под это убийство, понял Дронго. Неизвестный благодетель освободил Ястреба с условием совершить именно это преступление. Ничем другим нельзя объяснить столь странное освобождение Шварцмана и столь же быстро полученное им задание. И его согласие. Точно. Ему поставили определенное условие, и Шварцман согласился.

Тогда почему он должен убить именно композитора Джорджа Осинского? Чем этот американский пианист так опасен для неизвестных покровителей Шварцмана? Чем? Найдя ответ на этот вопрос, можно понять и мотивы, которыми руководствовались неизвестные, освобождая Шварцмана из тюрьмы и посылая его в опасную командировку в Париж.

Закончив есть, Дронго достал из специального кожаного чехла свой смокинг, в котором он должен был появиться в Гранд-опера. Сегодня уже второй раз дают оперу Осинского. На первом представлении присутствовали даже президент Франции и премьер-министр Великобритании.

Уже надевая бабочку, Дронго вспомнил о Марке Ленарте, который помог ему тогда обезвредить Ястреба. И, подумав, невольно сморщился, словно от зубной боли. Марк Ленарт был убит сотрудниками советской разведки по ошибке. Это был самый горький день в жизни Дронго. Теперь он был один. И должен был рассчитывать только на свои силы.

Глава 6

В Гранд-опера была обычная торжественная, немного театральная, немного снобистская обстановка, так сильно отличавшая внутреннее пространство этого мира от окружающего подчеркнутого демократизма. Он вошел в здание оперы, как всегда, восхищенный величием этого здания. Дронго не помнил, кто именно из архитекторов построил его.

Но он хорошо помнил историю строительства. Когда в царствование Наполеона Третьего императрица спросила архитектора, к какому стилю относится это здание, казавшееся столь эклектичным с первого взгляда, находчивый зодчий ответил: «К стилю Наполеона Третьего, Ваше величество».

Как же его звали? – пытался вспомнить Дронго, проходя вместе с другими зрителями к своему месту. В его правой ложе было достаточно темно. Он нашел ее, лишь обратившись к одному из служащих оперы.

Зрители занимали свои места. В его ложе никого не было. Когда раздался третий звонок, появился молодой, лет тридцати человек, с характерным разворотом широких плеч. Спортсмен, понял Дронго. Но молодой человек сел позади него и не делал никаких попыток начать разговор.

Представление началось. Заиграла музыка. Сегодня, как и в прошлый раз, дирижировал сам маэстро Джузеппе Бончелли. Дронго никогда не был особым меломаном. Ему нравились старые мелодии советских композиторов пятидесятых годов, джазовые блюзы. Из классической музыки он предпочитал слушать лишь Брамса и Моцарта. А творение мистера Осинского, выполненное в каком-то новом нетрадиционном стиле, не совсем доходило до его души. Может быть, в этом был виноват прежде всего он сам.

Мягко скрипнула дверь. В ложу кто-то вошел. Он, не оборачиваясь, слушал музыку. В конце концов, зачем-то же они прислали ему билет. Краем глаза он заметил, как рядом с ним опустился в кресло невысокий, плотный, коренастый мужчина с темными усиками, которые бывают у латиноамериканских музыкантов и актеров. Мужчина глядел прямо перед собой. И только минут через пять сказал:

– Добрый вечер. Меня зовут Песах Якобсон.

Дронго чуть оглянулся. Молодой человек, сидевший сзади, встал, как только Якобсон заговорил. И вышел из ложи.

– Не беспокойтесь, – заметил Якобсон, – это наш человек. Он охраняет мистера Осинского.

– Он его всегда так охраняет? – спросил Дронго, сделав ударение на предпоследнем слове.

Якобсон взглянул на него и улыбнулся.

– Не всегда. Кроме него, у Осинского еще два телохранителя. Он один из самых лучших в мире композиторов. И самых высокооплачиваемых.

– Со вторым я еще могу согласиться, – сказал Дронго, вслушиваясь в музыку.

На этот раз Якобсон повернулся всем телом.

– Вы опасный человек, мистер Дронго. Еще не успев начать охранять нашего клиента, вы уже готовы критиковать его гениальную музыку.

– Что вы, – улыбнулся Дронго, – я просто недостаточно подготовлен, чтобы понять всю гениальность мистера Осинского.

– Кажется, мы сработаемся, – заключил Якобсон, вставая со своего места.

Первый акт закончился, послышались аплодисменты. Сначала робкие, отдельные, затем переходящие в бурные. Якобсон наклонился и достал из-под стула какую-то коробочку. Дронго с удивлением, смешанным с восхищением, понял, что из коробочки тоже слышны громкие

аплодисменты. Одного взгляда в зал было достаточно, чтобы понять, что там не все разделяют бурные восторги по поводу произведения Осинского. Но, воодушевленные общим гулом и нарастанием аплодисментов, люди привычно аплодировали, даже не отдавая себе отчета, что именно делают. Даже в таком обществе срабатывал привычный стадный инстинкт толпы. Или гипноз успеха, что, впрочем, было одно и то же.

Закончился первый акт, и Якобсон пригласил Дронго пройти за кулисы. Они вышли в коридор и увидели стоявшего там молодого человека.

– Это Хуан, – представил его Якобсон, – познакомьтесь с ним, мистер… э…

– Ричард Саундерс, – вспомнил одно из своих многочисленных имен Дронго.

– Да, конечно. Мистер Саундерс.

– Добрый вечер. – Дронго протянул руку для крепкого рукопожатия.

Они прошли дальше.

– Только ничего не говорите самому Осинскому о его музыке, – предупредительно сказал Якобсон, – нельзя ведь обижать творческого человека. Они всегда бывают такими ранимыми.

– Вы его импресарио?

– Как вы поразительно догадливы, – засмеялся Якобсон, открывая небольшую дверь, – идемте за мной.

В небольшом коридорчике находились еще двое охранников. Один, сидевший на стуле, был высокий, полный. Другой, среднего роста, рыжеволосый блондин, стоял, прислонившись к стене. Заметив подошедших, первый вскочил на ноги, а второй подтянулся.

– Это Брет и Мартин, – показал на них Якобсон. – Знакомьтесь, ребята, это мистер Саундерс. Он будет нашим главным консультантом по вопросам безопасности.

Оба охранника переглянулись, скрывая улыбки. Очевидно, они не совсем понимали, что значит иметь консультанта по таким вопросам. Но ничего не стали спрашивать.

– Он один? – спросил Якобсон.

– Нет, – сказал Брет, – мальчик-посыльный понес ему цветы.

– Букет? – уточнил Дронго.

– Корзину, – засмеялся Брет, – не волнуйтесь. Мальчишке лет десять, но мы его все равно обыскали.

Дронго сильно толкнул его в живот и бросился в комнату Осинского. Ничего не понявший Брет испуганно охнул, чуть не упав. Мартин, достав пистолет, побежал следом за Дронго. Якобсон поспешил третьим.

В этот момент из кабинета Осинского вышел мальчишка-рассыльный. Он получил пятидесятифранковую синюю купюру с изображением Сент-Экзюпери, составлявшую в эквиваленте более десяти долларов, и благодарно кивал головой.

– Ну вот видите, – обиженно заметил Брет, стоявший позади всех. – Ничего не случилось. Не нужно было меня так толкать.

Мальчишка, увидев вооруженных людей, явно испугался, пытаясь спрятать деньги.

– Не бойся, – успокоил его Якобсон, – мы можем тебя отпустить.

В его голосе была плохо скрываемая насмешка над Дронго. Всем троим спутникам Дронго явно не понравился его экзальтированный прыжок к кабинету Осинского.

– Спросите у него, кто ему передал цветы, – попросил Дронго, плохо говоривший по-французски.

Якобсон исправно перевел и получил ответ. Мальчик, успокоившись, что никто не собирается отбирать у него деньги, спокойно отвечал:

– Какой-то господин. Он просил передать мистеру Осинскому, что восхищен его творчеством, – перевел Якобсон и, пожав плечами, добавил: – Нормальное явление. У Джорджа масса поклонников и поклонниц во всем мире.

– Да, конечно, – сказал Дронго и открыл дверь в кабинет. За столиком сидел сам Джордж Осинский, совсем не такой, как на портретах. Обрюзгший, лысоватый, полный. Он с недоумением посмотрел на вошедшего.

– Что вам нужно? – спросил он недовольным голосом.

– Все в порядке, Джордж, – сказал Якобсон, входя следом за Дронго, – это наш новый консультант по вопросам безопасности.

– И он всегда так будет врываться в мой кабинет? – спросил Осинский, даже не глядя в сторону нового консультанта. Он привык, что его окружала масса лакеев и слуг, и, очевидно, считал Дронго одним из таких лиц сопровождения.

Якобсон хотел что-то ответить, но Дронго, также игнорируя самого Осинского, подошел к большой, красиво украшенной корзине. Почему-то потрогал цветы.

Осинский усмехнулся. Для полного счастья ему не хватало здесь еще одного такого идиота. И где только Якобсон находит всех этих людей?

Дронго осторожно дотронулся до самой корзины с цветами. В комнату протиснулся Брет, с улыбкой следивший за новичком. Заметив движение Дронго, он не удержался и снова самодовольно сказал:

– Да мы проверяли ребенка. У него ничего не было.

И в этот момент Дронго вдруг одним резким движением, подняв стул, разбил окно. Все замерли. Брет начал доставать оружие. А Дронго мгновенно выбросил корзину с цветами на улицу.

– Он сумасшедший! – взвизгнул Осинский. – Кого вы мне привели?

И в этот момент раздался взрыв. Послышались крики, все стекла были выбиты. Брет, Мартин, Осинский испуганно смотрели друг на друга. Якобсон перевел дыхание. Слава богу, все обошлось.

– Кажется, вы спасли нас всех, – сказал он, обращаясь к Дронго.

Глава 7

Взрыв, прозвучавший рядом со зданием Гранд-опера и едва не стоивший жизни Джорджу Осинскому, означал одно: Ястреб уже начал свою охоту. Быстрые и смелые действия Дронго сразу вызвали огромное уважение у всех троих охранников, для которых любое его слово отныне становилось непреложным законом.

И только Песах Якобсон был озабочен более обычного. Он явно не ожидал, что Шварцман сумеет так быстро прибыть в столицу Франции. Ему казалось, что у них было еще несколько дней в запасе, чтобы подготовиться к европейскому турне, которое должно было состояться у всемирно известного композитора и пианиста Джорджа Осинского после представления его оперы взыскательной парижской публике.

Ночью перепуганного Осинского увезли в отель «Ритц», где он остановился во время пребывания в Париже. Дронго поехал вместе с ним и лично осмотрел великолепные апартаменты Осинского. Здесь все было продумано до мелочей. В этих апартаментах до композитора останавливались Мадонна, Майкл Джексон, Элтон Джон и другие знаменитости мировой эстрады. Охрана в самом отеле была подготовлена абсолютно. Плюс еще трое телохранителей самого Осинского. Пожелав знаменитости спокойной ночи, Дронго уехал в свой отель. Сегодня, по его расчетам, уже ничего не должно было произойти.

Прикрепленный к апартаментам Осинского «Мерседес» довез Дронго до Елисейских полей, где он попросил остановить, и сошел у «Лидо», решив дальше возвращаться пешком. Было совсем недалеко, и он, подняв воротник своего легкого пальто, шел по направлению к ярко освещенной Триумфальной арке, от которой лучами расходились проспекты и улицы. И если Елисейские поля были основной артерией этих лучей, то авеню Фридленд и отель «Наполеон», где он остановился, находились на соседней улице, куда он и перешел, добравшись до магазина «Гранд-Оптик».

Получив ключи от приветливого дежурного, он поднялся к себе в номер. Разделся, снова принял душ и, поставив чайник, благо он находился прямо в номере на мини-баре, сел смотреть телевизор. Обычно он смотрел только Си-эн-эн. Основными темами последних выпусков было убийство вернувшихся в Багдад бывших зятьев Саддама Хусейна и развод принцессы Дианы. К счастью, о случившемся взрыве почти никто не говорил. Он переключился на французские каналы. Здесь тоже почти ничего об этом не говорили.

Лишь в одном выпуске сообщалось, что рядом с оперой был слышен взрыв, но, по непроверенным сведениям, это взорвался какой-то газовый баллончик. Сообщалось, что, к счастью, никто не пострадал. Отдельной темой шел рассказ об успехе оперы американского композитора Джорджа Осинского.

И хотя французского языка он не знал, тем не менее часто понимал, о чем именно говорят и в каком контексте. Дронго часто упрекал себя за подобный пробел. Французский язык ему нравился. Это был язык влюбленных, с характерным придыханием, когда можно разговаривать шепотом, понимая друг друга. Владеющий в совершенстве английским, итальянским, турецким и некоторыми другими языками, он не знал французского и немецкого, считая это большим пробелом в своей подготовке.

Рано утром в его номере раздался звонок. Он сразу поднял трубку. В отелях подобного класса телефоны были повсюду – рядом с кроватью, в гостиной, в ванной комнате.

– Доброе утро, – узнал он характерный глухой голос Якобсона.

– Доброе утро! – ответил Дронго. – Как наш друг? Надеюсь, спал спокойно?

– По-моему, да, хотя думаю, что случившееся вчера серьезно выбило его из нормального состояния. Он все-таки человек творческий, впечатлительный. Это для него был страшный шок.

– Мне придется включать в свои планы и его впечатлительность, – улыбнулся Дронго.

– Думаю, да. Я хотел бы с вами встретиться. Вы не считаете, что нам есть о чем поговорить?

– Я приеду через полчаса, – согласился Дронго.

– Не нужно. Джордж все равно еще спит. Он поздно встает. Лучше я приеду к вам, и мы немного пройдемся. Сегодня, кажется, неплохая погода. Я буду у вас через полчаса.

– Договорились. – Дронго положил трубку и отправился в ванную комнату.

Через двадцать пять минут он спустился вниз, в вестибюль. Здесь было достаточно интересно. Стояли фарфоровые статуэтки, изображавшие императора в различных позах. Продавались сувенирные платки и значки с вензелем отеля. Отдельно продавались картины, среди которых было немало интересных работ.

Якобсон приехал вовремя. Очевидно, он выехал заранее. Чтобы подъехать к «Наполеону» от «Ритца», нужно пересечь центр города, в котором пробки были хроническим явлением. Дронго вышел на улицу и видел, как его спутник отпускает свой автомобиль. Он подошел к Якобсону.

– Вы завтракали?

– Еще не успел, ждал вас. Если хотите, мы можем позавтракать у меня в номере. Или внизу, в ресторане отеля, – предложил Дронго.

– Позавтракаем где-нибудь внизу, – показал Якобсон в сторону Елисейских полей.

Они перешли дорогу. На другой стороне был магазин, торгующий кухонной мебелью. Молодой человек что-то горячо объяснял паре пожилых покупателей. Дронго и Якобсон прошли небольшой переулок и оказались на Елисейских полях.

– Здесь неподалеку есть знаменитый ресторан «Фукет'с», – показал в противоположную от Триумфальной арки сторону Якобсон, – давайте пойдем туда.

Дронго кивнул в знак согласия. Они еще раз перешли улицу и двинулись вниз.

– Я думаю, вчера вы уже поняли, что все наши опасения были не напрасны, – начал Якобсон. – Мы считали, что будет предпринята серьезная попытка устранить Осинского. И, к сожалению, не ошиблись. Вчерашний случай подтверждает, что Ястреб уже в Париже.

– Не обязательно, – возразил Дронго, – ему не обязательно приезжать сюда самому. Бомбу мог прислать и кто-то из его помощников. Шварцман не так прост. Он любит появляться в самый решающий момент.

– Он работал с кем-то в паре? – удивился Якобсон. – Я считал, что он волк-одиночка, как и вы, простите меня.

– Не всегда. Судя по охране Осинского и большой заинтересованности такого серьезного учреждения, как ваш Фонд, за убийство нашего композитора ему должны были хорошо заплатить. А при таких вариантах можно поделиться частью денег и со своими помощниками. Хотя еще лучше ни с кем не делиться. Правда, при этом у меня возникает целый ряд вопросов.

Якобсон искоса посмотрел на Дронго. Улыбнулся, подмигнул ему и сказал:

– Начинайте. Я, собственно, поэтому и приехал. Чтобы ответить на все ваши вопросы.

– Первый вопрос. Почему ваш Фонд так заинтересован в Джордже Осинском? Надеюсь, вы не скажете, что вас привлекает его гениальность. В таком случае почему вас не привлекает гениальность других, не менее талантливых композиторов и исполнителей?

– Вы не правы, – возразил Якобсон, – очень даже привлекает. Мы оказываем поддержку очень многим композиторам, художникам, писателям. Мы считаем, что поддержка талантливых людей, способных быть творчески независимыми при любых режимах, это и есть зримое воплощение демократии. Разве не так?

– Допустим. Тогда почему Ястреб не охотится за другими талантливыми людьми, а выбрал именно Осинского? Вы не считаете, что должна быть какая-то причина?

– Должна, – согласился Якобсон, – но я ее не знаю.

– Я должен вам верить? – спросил Дронго, не замедляя шага. – Вам не кажется, что знание причины убийства может серьезно облегчить мою работу?

– Может быть, но я действительно не знаю, – ответил Якобсон и, показав на двери ресторана, пригласил Дронго: – Давайте зайдем.

Они зашли в ресторан. На полу были выбиты имена тех, кто когда-то посещал это знаменитое заведение. Якобсон снял пальто, аккуратно повесил на вешалку, положил свою шляпу-котелок. Дронго снял свое пальто. Головных уборов он обычно избегал. Лишь после того, как они сели за столик и элегантный официант, приняв заказ, быстро удалился, Якобсон оглянулся по сторонам и, приблизив лицо к Дронго, сказал:

– Я бы тоже очень хотел знать, почему Ястреб должен убрать именно Осинского. Собственно, это и составляет ваше задание. Осинского будут охранять и без вас. Но почему Шварцману поручили это убийство и кто поручил? Вот что меня интересует. И вот почему мы даже не стали настаивать, чтобы вы переехали из своего отеля в наш.

– Вы не ответили на мои вопросы, – напомнил Дронго, – надеюсь, что вы действительно не знаете на них ответов.

– Мы с вами союзники, – напомнил Якобсон, потерев переносицу двумя пальцами правой руки, – поэтому я постарался бы рассказать вам все, что я знаю.

– Вы не знаете, почему Ястреб хочет убить Осинского. Вы не знаете, почему именно его. Но откуда вы узнали, что вообще состоится это покушение? Откуда вы узнали, что Шварцман прилетел во Францию, выйдя из бразильской тюрьмы, только для того, чтобы убить американского композитора? Вы проделали гигантскую работу, чтобы найти меня, когда-то уже встречавшегося с Ястребом. Значит, вы точно знали, что угроза весьма реальна. – Дронго говорил, глядя прямо в глаза собеседника. Тот слушал молча, не пряча своих темно-вишневых глаз. Они у него были не просто какого-то яркого темно-коричневого цвета. Они были именно как вишенки, маленькие и круглые.

– Но если вы смогли получить подобную информацию, – продолжал Дронго, – значит, вы можете указать мне источник. А это уже само по себе немаловажно. Может, мы могли бы выйти через этот источник на самого Шварцмана. От кого вы получили подобную информацию о готовящемся покушении?

Якобсон вздохнул. Достал из кармана небольшой прибор. Это был усовершенствованный миниатюрный скэллер, не позволявший никому услышать их беседу. И лишь затем сказал:

– Мы получили сведения из Бразилии. Дело в том, что Шварцман не вышел из тюрьмы. Он сбежал. И кто-то неизвестный ему помог оттуда уйти. Сейчас мы пытаемся выяснить, кто именно мог быть этим неизвестным благодетелем. А узнали мы очень просто. В камере Шварцмана была найдена афиша с портретом Осинского. Портрет обведен черной каймой и перечеркнут крест-накрест. Нам сообщили об этом из тюрьмы. Думаю, вы понимаете, что Шварцман никогда не был меломаном. Значит, он готовит что-то против Осинского. Мы это поняли и сразу начали думать, что можем предпринять. И только тогда вышли на вас, Дронго.

– У вас есть помощники и осведомители даже в бразильских тюрьмах? – невинно улыбнулся Дронго. – Я начинаю испытывать комплекс неполноценности от могущества вашего Фонда.

Вместо ответа Якобсон достал из кармана газетную статью. На фотографиях из бразильской газеты был виден плакат, висевший на стене камеры Шварцмана. И перечеркнутое лицо Осинского.

– Мы обязаны были отнестись к подобному со всей ответственностью, – подчеркнул Якобсон.

Официант принес сразу несколько блюд. Дронго, заказавший себе мясо с жареным картофелем, с ужасом обнаружил, что выбрал какой-то непонятный сырой фарш, смешанный с луком и специями. Он недоверчиво посмотрел на официанта.

– Я заказывал именно это?

Официант, не знавший английского языка или не желавший на нем говорить, сделал вид, что не понял клиента. Дронго покачал головой:

– Может, вы переведете этому типу, чтобы он принес мне нечто другое. Пусть запишет в счет это блюдо, но я его не смогу съесть при всем желании.

Якобсон улыбнулся и перевел все официанту. Тот, пожав плечами, унес тарелку с едой, не став спорить с таким привередливым клиентом.

– Почему они такие упрямые? – вздохнул Дронго. – По-моему, это у французов просто национальный идиотизм. Многие принципиально не говорят по-английски, а парламент даже принимает законы, запрещающие употреблять английские слова. Мне кажется, в этом есть какая-то фобия. Не знаю даже, как ее назвать. Они хотят таким своеобразным образом защитить свою культуру. Мне тоже не все нравится в нашествии американской культуры на Европу, но пытаться отгородиться вот таким образом – это нечто архаичное.

– Конец двадцатого века – это время бурного роста всякого национализма, – согласился Якобсон. – Многие маленькие нации и народы начинают понимать, что теряют свою самобытность, теряют своеобразие, растворяясь в общем котле человечества. Национализм и есть ответ на этот вызов времени. После создания мировой системы Интернет говорить об обособленном государстве уже невозможно. Вы можете прямо из своей квартиры поговорить с президентом США и получить последнюю информацию из Буэнос-Айреса. Многие еще не могут с этим освоиться. Реакция отторжения – естественная реакция любого народа. А для французов, у которых такая история и литература, опасность стать второсортной нацией с второсортным языком при засилье английского слишком очевидна. Может, потому в этой стране так растет влияние националистов и ультрарадикалов.

– Не люблю националистов, – отмахнулся Дронго, – в них всегда есть нечто ущербное и агрессивное одновременно. Это меньше всего касается французов, которые пытаются отстоять своеобразие своей культуры, не покушаясь на ее интегрированность в мировой процесс.

А вот конфликты в Восточной Европе – это уже нечто другое. Здесь стремительно растет число президентов, премьеров, министров, послов, национальных парламентов, национальных символов, национального идиотизма. По моему глубокому убеждению, национализм начинается там, где национальная интеллигенция начинает свои дешевые популистские игры с народом. Понимая, что обречена на исчезновение, в большинстве своем страдающая импотенцией, национальная интеллигенция любит рассуждать о национальных приоритетах и ценностях. Я просто хорошо знаю, как начинались все конфликты в бывшем Советском Союзе, на Кавказе, в Прибалтике, на Украине. Кто громче всех требовал отделения? Кто говорил о размывании национальных ценностей? Наименее талантливые и наиболее одиозные представители интеллигенции, которые могли сделать себе имя только на таком оголтелом национализме.

Ведь в случае отделения и создания маленького, но своего государства эти непризнанные поэты и писатели, художники и композиторы сразу становятся своеобразными «национальными ценностями», известными в своей маленькой стране. Состояться в империи, суметь чего-то добиться в большом мире они не могут, а вот покрасоваться в своей деревне, стать первыми в своей провинции – это для них. Несчетное количество представителей местной интеллигенции, понимавших, что никогда, ни при каких обстоятельствах они не могут состояться в большом государстве! Почему среди националистов не было людей всемирно известных? Почему не было людей, творчески состоявшихся? Можно ли представить себе националистом Пикассо? Кстати, к какой культуре его отнести – к французской или испанской? Или Хемингуэй, который одинаково любил свою страну, Францию и Кубу. Толстой уверял, что патриотизм – это последнее прибежище негодяев. И очень много лет я считал, что классик ошибается, что невозможно так говорить о любви к своей Родине, о чувствах к своей земле, к своей стране.

И только сейчас я вдруг понимаю, насколько он был прав. Не в смысле того, что патриотизм – плохое чувство. Я вдруг понял, что именно он хотел сказать. Не сам патриотизм как составная часть человеческого космоса, а использование патриотизма в своих целях негодяями. Когда уже не остается никаких аргументов в споре, когда единственной защитной цитаделью остаются национальные приоритеты, словно броня защищающие бездарность и подлость от окружающего мира. Патриотизм – это последнее, к чему прибегают негодяи для своей защиты. Вот именно это и хотел сказать классик. Именно так.

Официант принес другое блюдо. На этот раз он поставил его на стол и быстро удалился. Якобсон усмехнулся:

– Вы философ, Дронго.

– Я становлюсь им со временем. Ваш Фонд ведь учреждение достаточно космополитическое, насколько я понял. И сфера его интересов весьма широка – от Бразилии до Индии.

– По-моему, вас больше интересует наш Фонд, чем Ястреб, – осторожно улыбнулся Якобсон.

– Верно. Я обязан понять, почему он хочет убить именно композитора Осинского. Именно того человека, которого опекает ваш Фонд. Может, дело в вашем Фонде, а не в самом музыканте.

Якобсон, потянувшийся за бокалом вина, замер. Метнул быстрый взгляд на своего собеседника.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я должен несколько больше узнать о вашем Фонде. Иначе просто не смогу взять на себя ответственность за должную охрану мистера Осинского.

Якобсон осторожно выпил вина. Совсем немного, чуть-чуть. Медленно поставил бокал на стол.

– Вы действительно считаете, что это необходимо?

– Если вы чуть повернете голову, – тихо произнес Дронго, – вы сумеете заметить за тем столиком двух мужчин. Они пьют пиво. По-моему, мы им явно не нравимся. Они идут за нами от самой гостиницы. Вам нравится такая опека?

Якобсон покачал головой.

– Я думал, вы не заметите. Это сотрудники нашего Фонда, они обеспечивают мою личную безопасность.

– Если так будет продолжаться, – засмеялся Дронго, – я останусь без работы. У вас слишком много телохранителей.

Глава 8

Он помнил этот день все годы, проведенные в тюрьме. По ночам ему снился Дронго, появившийся в окне стоявшего напротив дома, – улыбающийся, уверенный в себе. И все время Дронго смеялся ему в лицо, когда он поднимал свою винтовку. Каждый раз он не успевал сделать выстрел. Каждый раз кто-то мешал, и каждый раз его враг смеялся ему в лицо.

Шварцман помнил это гадкое ощущение бессилия и проигрыша, когда он прицелился в Дронго и почувствовал дуло пистолета между лопатками. Дронго удалось его провести. Обмануть, как щенка, подставить под наблюдение своих сотрудников. Дронго долго изображал из себя приманку, и, пока Ястреб шел по его следу, вокруг него самого уже плелась искусная сеть. Когда же Шварцман хотел нанести удар, его опередили. Они просто арестовали и сдали его бразильским властям. И он получил свой тюремный срок.

Первые месяцы в бразильской тюрьме он приходил в бешенство, вспоминая о своем провале. Потом как-то успокоился, но Дронго стал являться по ночам, в его тяжелых снах, такой уверенный и спокойный. А потом самого Шварцмана перевели в тюрьму в Белу-Оризонти, и начался ад.

Это была особая тюрьма, где сидели убийцы и насильники, знаменитые по всей Бразилии. Даже в этой стране с неустоявшимися нравами, где преступлений совершалось гораздо больше, чем в благополучной Европе, эта тюрьма была особой зоной, где сконцентрировались самые отъявленные подонки. Только здесь Шварцман почувствовал всю прелесть борьбы за выживание.

Тут нельзя было сделать ни одного неверного шага, ошибиться, позволить себе на мгновение расслабиться. Тут был не просто ад. Это было земное изобретение дьявола, место, где покупаются и продаются души людей. Тут убивали и насиловали, не останавливаясь ни перед чем. Здесь были свои особые законы и особые порядки, выработанные годами непрерывного страха, унижений и насилия.

Он и раньше сидел в тюрьмах, но западногерманские тюрьмы по сравнению с этим концлагерем в Белу-Оризонти напоминали скорее молитвенные дома или кирхи. А уж что он должен был вынести! Дважды он оказывался на краю смерти. В первый раз, когда поспорил с Умберто-палачом и вся тюрьма ждала, кто именно победит в этой схватке. Они дрались всю ночь, изрезали друг друга ножами, но никто не смог победить. Утром сам Умберто предложил мир.

Через две ночи предусмотрительный Шварцман, поменявшийся местами со своим соседом по камере, услышал, как к ним ворвались сразу несколько парней и затем сдавленные крики своего соседа. Утром надзиратели насчитали на теле несчастного двадцать два ножевых ранения. Труп увезли, а за Шварцманом закрепилась репутация счастливчика, которому помогают духи.

Излишне говорить, что через два дня Умберто получил нож в спину и мучительно долго умирал в тюремном сортире, куда никто не решался войти, чтобы оказать ему помощь.

Потом было столкновение с Алвесом. Тот был известный гомосексуалист, переведенный сюда из Рио-де-Жанейро. Он сразу начал устанавливать свои порядки. К этому времени Шварцман, уже пользовавшийся уважением других заключенных, негласно покровительствовал двум молодым парням – Антонио и Габриэлю, оказывавшим ему многочисленные услуги и ставшими его своеобразными телохранителями. Оба парня были гомосексуалистами, и Шварцман, за неимением в тюрьме женщин, иногда пользовался их услугами.

Но молодой Габриэль понравился Алвесу. И хотя парень отвергал все домогательства старого убийцы, однажды его поймали в душевой и долго насиловали сразу четверо заключен-

ных, после чего парня нашли там с разорванным горлом. Все ждали, чем ответит Шварцман. А тот молча наблюдал, как уносят тело Габриэля, как ухмыляется Алвес.

Прошло еще несколько дней. Поняв, что Шварцман не решается нанести ответный удар, многие заключенные стали позволять себе оскорбительные выкрики в его адрес. На кухне его вытеснили на худшее место, в душевой стали исчезать его вещи. Он постепенно становился парией, и единственный оставшийся у него друг – Антонио не понимал, что с ним происходит.

А однажды тяжелый пресс случайно придавил первого из убийц Габриэля. Никто не стал связывать это происшествие со случившимся ранее убийством, пока не пострадал и второй насильник. Ночью кто-то облил его лицо кислотой, непонятно каким образом появившейся в тюрьме. У самого Альфреда Шварцмана было абсолютное алиби: он в это время находился в тюремной больнице. Но по тюрьме уже поползли слухи. А пострадавший лишился зрения и был переведен в другую тюрьму.

Третий насильник был найден в своей камере с переломанным позвоночником. Несмотря на все усилия надзирателей, он так и не сумел ничего рассказать, умерев в страшных мучениях. И тогда все поняли, что настала очередь Алвеса. Понял это и сам Алвес, твердо пообещавший убить Шварцмана. В рождественскую ночь они сошлись вдвоем, чтобы решить, кто из них может остаться на этом свете, а кто из земного проклятого ада должен переселиться в гораздо более гуманный – небесный.

Что произошло между ними, не узнал никто. Но Алвес был найден мертвым. И не просто мертвым. Ему отрезали нос, уши, губы, половые органы. Даже повидавшие все в этой жизни обитатели тюрьмы в Белу-Оризонти ужаснулись подобной жестокости. Многие знали, как убивать человека и как он должен умирать. И многие осознали, что все эти увечья Алвесу были причинены не после, а до смерти, которая как спасение пришла наконец к этой заблудшей душе. С тех пор к Шварцману не приставал никто. Его признали раз и навсегда. Жестокость, которую он преднамеренно продемонстрировал, потрясла всех заключенных.

Но во сне ему снился Дронго. Он по-прежнему сжимал в руках винтовку и по-прежнему мечтал найти человека, когда-то сумевшего его превзойти. И хотя в этой тюрьме он был всесилен, бежать отсюда было невозможно. Расположенная на высоком плато, тюрьма была идеальным местом для содержания заключенных. Отсюда никто и никогда не убегал. Отсюда выходили либо мертвые, либо отсидевшие свой срок. Но последних почти не было.

Он помнил день, когда в тюрьме появился Роджер. Гость был уверенный в себе, красивый, пахнущий дорогими французскими духами, запах которых напомнил Шварцману о Европе. О любимых городах, о женщинах, о ресторанах. Казалось, все это осталось в другой жизни. До той жизни было еще много лет. И поэтому, когда Роджер предложил ему побег, он, не раздумывая, согласился.

Роджер потребовал не слишком большую плату. Всего лишь убийство какого-то музыканта. Ястреб вначале даже не поверил: цена не могла быть такой низкой. Это было невероятно, невозможно. Но именно убийством музыканта Роджер просил расплатиться за освобождение. Шварцман сразу дал согласие. Тогда впервые прозвучало имя Осинского.

Побег готовился долго и тщательно. Из самой тюрьмы убежать было невозможно, поэтому за огромную взятку чиновник, курирующий эти заведения, согласился на перевод Шварцмана в другую тюрьму. По дороге его сопровождали шесть охранников. Но на этот раз все было продумано до мелочей.

Начальник тюрьмы, в которую его переводили, был подкуплен. Еще большую взятку он получил за разрешение свидания Шварцмана с его супругой. Роль супруги блестяще исполнил… Антонио. И после свидания из тюрьмы вышел загримированный под женщину Шварцман. Антонио остался вместо него в камере. Охрана к тому времени сменилась, а дежуривший офицер знал, что нужно выпустить жену и оставить самого заключенного в тюрьме. Через день Шварцмана уже не было в Бразилии.

Но самый лучший подарок в своей жизни он получил на Ямайке, где снова встретился с Роджером. Тот подробно рассказал ему о самом композиторе, отправляющемся в Европу, и о его телохранителях. На прощание Роджер, улыбаясь, заметил, что у Осинского должен скоро появиться новый консультант по безопасности, который является одним из лучших аналитиков мира. И как бы невзначай добавил, что они уже встречались.

Шварцман насторожился. Встреча со старыми знакомыми бывает особенно «приятна», когда знаешь, как и против кого нужно действовать. Но когда Роджер произнес имя Дронго, Шварцман не мог сдержать своей радости. Это была его мечта. Это была награда за восемь лет ада. Роджер не мог понять, почему он так обрадовался. А Ястреб уже предвкушал свою новую схватку с Дронго.

На этот раз он будет готов гораздо лучше. Теперь он знает, с кем именно ему придется встретиться. Он не собирается убивать Дронго просто так. Все мучения, коим был подвергнут Алвес в тюрьме, окажутся детской забавой по сравнению с великолепием адского набора, который он готов предложить своему «крестнику», отправившему его в бразильскую тюрьму. Он летел в Париж, счастливый и умиротворенный. Казалось, сам дьявол решил послать ему такую награду за все испытания в земном аду. Теперь его даже не волновал сам Джордж Осинский. Образ Дронго заслонял собой все. Они снова встретятся и сойдутся в последней схватке. И тогда Ястреб наконец получит свою награду – голову Дронго.

Глава 9

Он любил жить в знаменитых отелях мира. В них зримо ощущалась та концентрация истории, географии и культуры, которая делала эти отели не просто местом проживания, а своеобразным символом городов.

Дронго жил в «Сен-Френсисе», расположенном в самом центре самого красивого города Америки – Сан-Франциско. На другом побережье Америки, в Нью-Йорке, он сумел побывать в самых известных отелях: респектабельном «Уолдорф Астория», роскошном «Плазе», суперсовременном «Сен-Редженсе» и, наконец, в отеле, ставшем символом Манхэттена, расположенном на Таймс-сквер, «Мэрриот Маркизе». В Лондоне он останавливался в изысканном «Кларидже», жил в роскошном «Хилтон Парк-лейн».

В Пекине останавливался в причудливом «Паласе», так своеобразно сочетающем национальную символику с роскошью современной архитектуры. На другом конце света – в Буэнос-Айресе жил в изящном «Алвар Паласе», напоминающем космическое зеркало. Он жил в лучших отелях Венеции и Милана, Мадрида и Мюнхена, Сиднея и Рио-де-Жанейро.

Он хорошо знал многие великолепные отели и в самом Париже. Но даже среди них, среди всех гостиниц мира, где он когда-либо жил и останавливался, парижский отель «Ритц» занимал особое место. И даже не тем невероятным, элегантным стилем, которым славился. Это был особый отель, со своими историческими традициями, ставший визитной карточкой великолепного города. Здесь бережно сохраняли традиции Сезара Ритца, основавшего отель.

Здесь останавливались самые известные, самые великие деятели культуры двадцатого века. Навсегда сохранились в отеле личные апартаменты несравненной Коко Шанель. Это был тот самый отель, который так полюбился Хемингуэю, и именно здесь родилась знаменитая фраза о празднике, который всегда с тобой. Когда Хемингуэй одним из первых вошел в освобожденный от нацистов город, он первым делом приехал в этот отель.

И теперь Дронго, переехавший в «Ритц», с восхищением и удивлением осматривал свой номер. Массивный бронзовый ключ вставлялся не в дверь, а в стену, куда был вмонтирован замок, открывающий эту дверь. Небольшой коридор, закрывающийся с обеих сторон, вел в саму комнату.

И хотя он жил в обычном одноместном номере, номер этот, пожалуй, нельзя было отнести к разряду таких же обычных. Войдя, он насчитал восемь светильников, расположенных по периметру большой комнаты. При этом основной светильник – люстра, висевшая в центре, имела характерный выключатель, позволяющий регулировать силу света.

На мраморном камине стояли изящные бронзовые часы, выполненные в стиле ампир. С левой стороны от входа, за большими зеркалами, находились глубокие платяные шкафы с внутренним светом, включавшимся автоматически при открывании дверей. На столике, у окна, лежали рекламные буклеты. По вечерам предупредительные горничные обязательно приносили специальную карточку для гостей с информацией о погоде на завтрашний день. Повсюду висели картины. Над кроватью находился гобелен.

Дронго вошел в ванную комнату. Вместо кранов здесь были серебряные лебеди с распахнутыми крыльями: вода текла прямо из клюва. Глубокая квадратная ванная с расположенной над ней непонятной цепью несколько озадачила его. Что это может быть? Он потянул за цепь. Через минуту в его дверь постучали. Оказалось, что это вызов официанта. Для гостей, находящихся в ванной, ужин либо завтрак можно заказать, очевидно, прямо в ванную.

Из ванной комнаты вела еще одна дверь – в туалет, где находились традиционные весы. Разумеется, везде установлены телефоны, чтобы разговаривать с любого места, даже не меняя своей позы. Рядом с кроватью находился небольшой пульт управления. Можно, лежа в постели, регулировать свет, открывать занавески, включать радио и телевизор, меняя программы.

Осмотрев свой номер, он пошел в расположенный рядом сюит Осинского. Здесь на стенах висели подлинные картины французских художников, уже успевших стать классиками. Кровать была обрамлена мраморными колоннами, а ванная комната напоминала небольшой, но хорошо оборудованный бассейн. Осинский, расстроенный вчерашним взрывом, нетерпеливо ходил по номеру. Напротив него в кресле сидел невозмутимый Якобсон.

– Почему, почему?! – кричал Осинский. – Почему мне должны присылать такие посылки? Кому я помешал? Кто хочет меня убить?

– Мы этого не знаем, – невозмутимо отвечал Якобсон, – мы ничего не знаем. Французская полиция занимается розысками этого непонятного придурка. Но там не было ничего опасного. Обыкновенная хлопушка. Просто кто-то хотел пошутить.

– Пошутить! – взвизгнул композитор. Он был в одном халате, и, когда делал слишком резкие движения, обнажались его светлые ноги, которые по полноте как-то не соответствовали его располневшему лицу и уже появившемуся небольшому животу. Словно их приделали после того, как Осинский начал полнеть.

– Пошутить! – кричал композитор, размахивая руками. – Поэтому там вылетели все стекла?

– Это была случайность, – успокаивал его Якобсон. – Вот мистер Саундерс может все подтвердить, – показал он на Дронго.

– Правда? – спросил, останавливаясь, Осинский. Как и все люди с неустоявшейся психикой, он больше доверял новым людям, чем своим старым знакомым.

– Да, – подтвердил Дронго, усаживаясь в кресле рядом с Якобсоном, – я думаю, не было никакой опасности.

В этот момент дверь открылась, и в комнату вошла неизвестная Дронго женщина. Он встал, чтобы поздороваться с ней. Якобсон не шевельнулся, а Осинский даже не стал затягивать пояса своего халата.

– Миссис Уэлш, – показал на нее своей короткой рукой Якобсон, – миссис Барбара Уэлш, личный секретарь господина Осинского.

Женщина повернулась к Дронго. Она была явно азиатского происхождения, несмотря на свою английскую фамилию. Раскосые, чуть удлиненные глаза, чувственный нос с четко очерченными крыльями ноздрей, твердая линия скул. Небольшой рот с тонкими губами. И холодный взгляд карих глаз. Волосы были красиво уложены. Одета она была в строгий серый костюм. «Кажется, „Келвин Кляйн“, – подумал Дронго, оценивая линии ее одежды.

– Мистер Саундерс, – показал на Дронго Якобсон, – наш новый консультант по безопасности.

Женщина холодно кивнула. Не обращая внимания на рассерженного Осинского, она прошла к другому креслу и села в него. Дронго обратил внимание на безупречные линии ее ног.

– Вы слышали, что случилось вчера? – закричал Осинский. Он, очевидно, не умел разговаривать спокойно.

– Да, – ответила Барбара. Голос у нее был низкий, глухой. – Мне рассказали Мартин и Брет.

Дронго сделал движение рукой. Якобсон, заметив это, ободряюще кивнул.

– Вы хотите что-то спросить?

– Да, – ответил Дронго. – Где вы вчера были, миссис Уэлш? Я не видел вас в опере.

Она чуть повернула голову. В глазах мелькнуло удивление.

– Вы меня подозреваете? – спросила она, не меняя позы. – Может, я уже должна отчитываться и перед вами?

– Миссис Уэлш, – чуть повысил голос Якобсон, – вы, очевидно, не поняли. Это новый консультант по безопасности. Вы должны отвечать на его вопросы.

– Я была вчера у сына, – пояснила миссис Уэлш. – Мистер Осинский разрешил мне отлучиться на вечер.

– Да, – подтвердил Осинский, – я разрешил.

«Кажется, она обиделась», – понял Дронго.

– Сколько лет вашему сыну? – спросил он.

– Двадцать четыре. – Она смотрела на него не мигая.

– В таком случае позвольте вас поздравить, – улыбнулся Дронго, – я никогда бы не мог подумать, что у вас такой взрослый сын.

Женщина не захотела принимать комплимента. Она просто отвернулась, поняв, что своеобразный допрос окончен.

– Сегодня у вас встреча с журналистами, – напомнила она Осинскому, – вы назначили им на четыре.

– Да, – подтвердил композитор, – я помню. Они дали примерный список вопросов.

– Мы уже подготовили ответы. Они у вас на столике в спальне, – ответила Барбара.

– Да-да, конечно, – вспомнил Осинский, – я совсем забыл. Сейчас я переоденусь, и мы пойдем завтракать. Хотя уже, кажется, время ленча.

Он вышел из комнаты.

– Он очень нервничает, – вздохнул Якобсон, – надеюсь, вы понимаете, как нам важно его не нервировать. Его европейское турне не может быть сорвано.

– В каких городах он будет выступать? – спросил Дронго.

– Брюссель, Амстердам, Франкфурт. Почему вы спрашиваете?

– Он должен быть на сцене? Играть или дирижировать? Будет исполняться его гениальная опера? – не удержался от сарказма Дронго.

Барбара чуть улыбнулась. Она оценила шутку нового консультанта. Якобсон шутки не принял. Не захотел ее понимать.

– Ни то ни другое, – сухо ответил он, – просто в этих городах должны состояться концерты из его произведений. После премьеры его оперы в Париже это нужно для закрепления успеха в Европе, где еще Осинского знают недостаточно. Он обязан присутствовать на этих презентациях. Это своеобразная рекламная поездка.

В дверь осторожно постучали.

– Войдите, – разрешил Якобсон на правах хозяина.

В комнату вошел Мартин с конвертом в руках.

– Для мистера Саундерса, – сказал он, – передали снизу от портье.

– Мне? – удивился Дронго. – Я поселился час назад. Никто не знает, что я здесь. И тем более под фамилией Саундерса. Какое письмо?

Мартин передал ему письмо. Дронго взял конверт, раскрыл его, достал бумагу.

«С приездом. Я рад, что мы оба снова вместе», – прочитал он и, подняв глаза, посмотрел на Якобсона и Барбару. Аккуратно сложил бумагу и положил ее в конверт. Мартин вышел из номера.

– Что случилось? – спросил Якобсон.

– Это Ястреб, – поднял письмо Дронго, – он уже знает, что я здесь. Значит, он где-то рядом, очень близко. Боюсь, что европейское турне Джорджа Осинского нам все-таки придется отменить. А мне, кажется, понадобится оружие.

Глава 10

Вечером Осинский должен был ехать на прием, устроенный в его честь одним из самых известных людей Европы, представителем династии европейских миллиардеров, потомком семьи Ротшильдов. Для Дронго был заказан смокинг. Все остальные, в том числе и телохранители Осинского, уже имели подобную одежду, предназначенную для таких приемов. По настоянию самого Дронго для Осинского в последний момент поменяли автомобиль.

У «Ритца» на Вандомской площади традиционно стояли роскошные «Мерседесы», прикрепленные к лучшим номерам отеля. Они терпеливо ожидали выходящих из отеля гостей. А такси стояли в конце площади и подъезжали к отелю только по свистку многочисленных швейцаров, дежуривших у подъезда. В случае ненастной погоды швейцары провожали гостей с зонтиками до машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.